Сергей Фомичёв

Пророчество Предславы

Сергей Фомичёв

Пророчество Предславы. Мещёрский цикл

«Издательские решения»

Фомичёв С. Р.

Пророчество Предславы. Мещёрский цикл / С. Р. Фомичёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748682-2

Третий роман Мещёрского цикла.Середина XIV века. Русское средневековье. Три великих священника Средневековой Руси: новгородский Василий Калика, суздальский Дионисий и московский Алексий – поддерживают разные политические лагеря. Но, быть может, им лучше объединиться перед лицом пробуждающегося демона? Книга, помимо изрядной доли художественного вымысла, основана на реальных исторических событиях, легендах и преданиях.

ISBN 978-5-44-748682-2

© Фомичёв С. Р.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 27
Глава третья 42
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Пророчество Предславы
Мещёрский цикл
Сергей Фомичёв

Ольге Николаевне Ляпаевой

© Сергей Фомичёв, 2016

Автор иллюстрации на обложке Наталья Торопова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая
Знамение

Городец Мещёрский. Апрель 6860 года

Стук в дверь. Пёс приподнял голову, насторожил уши, но не зарычал, и не залаял, – значит в дом пришли не враги. Сокол согласился с псом, он и сам не почуял ничего угрожающего, напротив, явно ощутил чужой страх пополам с неуверенностью. Боялись его, Сокола. Боялись, но всё же пришли. Из чего следовало, что пришли по важному делу.

Стук в дверь застал чародея за его любимым занятием. Лёжа на покрытой шкурами лавке, он разбирал аравийскую вязь трактата великого Авиценны, который в прошлом году доставил ему ханьский купец Чунай. Бросать чтение не хотелось. Но делать нечего – вряд ли кто-то решился бы беспокоить известного чародея по пустякам.

– Видимо, нам предстоит работа, – сказал Сокол псу, отложив свиток и поднимаясь с лавки. Пёс не ответил, лишь обвёл взглядом комнату – всё ли в порядке – и улегся обратно. До чародейской работы ему не было никакого дела.

В одной рубашке, босиком, Сокол прошлёпал в сени и отворил дверь, даже не спросив, кто там.

Возле порога стояли, нерешительно переминаясь с ноги на ногу, два мужика. И без волшебства ясно, что они столь же опасались чародея, сколько и нуждались в его услугах.

В первом, что постарше и ниже ростом, Сокол угадал сельского старосту – рубаха богата вышивкой, не из обыденных, такие даже купцы достают из сундука лишь по праздникам. Второй рядом со старостой выглядел настоящим богатырём. Охотник, – решил Сокол, отметив, что новые, судя по свежести меха, сапоги, уже изрядно потёрты на боках от длительной ходьбы. Молодой, хотя плохо зажившие рубцы на лице делали его старше. Сокол подумал, что, пожалуй, смог бы помочь молодому человеку, составив подходящую мазь, однако вряд ли гости пришли за этим, а навязывать лечение было не в его привычках.

Лица обоих украшали густые чёрные бороды, какие не часто встретишь у лесного народа. На груди у старосты к тому же виднелся нательный крестик, что развеяло последние сомнения Сокола.

Православные неохотно обращаются за помощью к чародеям, а если и обращаются, то к своим чудотворцам. Так что работа обещала быть необычной.

Сокол посторонился и молча указал рукой, приглашая гостей войти. Те вошли, почистив в сенях не слишком-то и грязную обувь, сняли шапки и, оглядев комнату, немного успокоились. Жильё колдуна выглядело обычным. Черепа да костяки на стенах не висели и на столах не лежали; чёрные коты или вороны туда-сюда не шмыгали, пауки или жабы в котле не варились. Лишь в углу висел пучок травы, но такая, отгоняющая днём мух, а вечерами – комаров, встречалась почти в каждом доме. Пёс же – единственное помимо хозяина существо – смотрел на гостей даже доброжелательно.

– Что вам нужно, уважаемые? – спросил Сокол после обмена приветствиями и малозначащими, по крайней мере, для него, пожеланиями здоровья.

– Колдун у нас умирает, почтенный чародей, – бойко заговорил староста. – Страшное дело. Всё село второй день не спит, опасается, как бы худо не вышло, как бы не обернулся он упырём. Иные уж вещи собрали и подались в Мещёрск или к родичам в соседние сёла. Священник наш, Леонтий, носа из избы не кажет. Некому защитить мир.

Он вздохнул.

– Помоги, не гневайся, а мы в долгу не останемся – отблагодарим. Мы бы и не беспокоили тебя пустяками-то. Но тут такое дело, такое дело…

– Далеко ли село ваше? – осведомился Сокол, одеваясь и раздумывая, не взять ли чего с собой. Так, на всякий случай. Умирающий колдун – дело действительно серьезное, староста вовсе не преувеличивал. В Мещере только два-три человека могли справиться с подобной напастью, не причинив при этом вреда себе и окружающим.

– Сельцо называется. Пути вёрст шесть. На возке-то быстро домчим – дорога хорошая, наезженная, – заулыбался староста, увидев, что чародей согласился.

Сокол оделся и, шепнув псу, чтобы тот сторожил дом (хотя не случалось ещё, чтобы воры лазили по таким домам), вышел вслед за мужиками на улицу.

Там поджидал возок, запряжённый парой низких заросших лошадок неопределенной масти. Пару в этих местах запрягали редко, главным образом на праздники и по торжественным случаям. Две лошади, пусть и не самые породистые, свидетельствовали не столько зажиточности хозяина, сколько об уважении, которое тот оказывал Соколу.

Староста взялся за вожжи, а охотник уселся позади рядом с Соколом.

Дорогой чародей заметил, что молодой селянин всё время озирается по сторонам, не выпуская из рук копьеца – в большом городе он чувствовал себя неловко.

Староста, впрочем, тоже город не жаловал. Вместо того, чтобы проехать коротким путём через крепость, он направил лошадок в обход, по дороге, что вела почти под самыми стенами между лесом и рвом. Всё время причмокивая и поддёргивая вожжами, староста заставил своих лошадок бежать довольно резво. Охотник тем временем исподлобья рассматривал городские стены, сложенные из сосновых, обмазанных глиной, срубов. Невысокие, они, тем не менее, с утра до вечера накрывали окружную дорогу тенью и от этого внушали проезжим почтение.

Оставив позади город и взяв от Напрасного Камня левее, они выскочили на идущую сквозь вековые леса и воспетую вместе с ними в сказаниях и былинах, знаменитую Муромскую дорогу. Дорогу настолько древнюю, что говорили, будто торили её великаны онары, что жили в этих краях задолго до людей.

– А что, злой у вас колдун? – спросил Сокол, как только они миновали Напрасный Камень.

– Да нет, добрый, вообще-то, – ответил, подумав, староста. – На людей и скот порчу не наводил. Откуп брал, правда, да на свадьбах угощался, во главе стола сидел. А так – знахарствовал, людям помогал, но главное, других колдунов к нам не подпускал и ихнюю порчу снимал. Да только кто знает, что он после смерти вытворять начнёт.

К деревенским своим собратьям-самоучкам Сокол не испытывал неприязни, тем более – ненависти. Ни к злым, ни к добрым. И те, и другие занимались нужным делом, оттягивая на себя всё тёмное, что скапливалось среди людей. А добрый колдун или нет, зависело лишь от присущего ему обычного человеческого естества. Что, впрочем, тоже имело значение.

***

Въехали в притихшее Сельцо, состоящее из двух десятков дворов. Оно и впрямь оказалось христианским – на горке возвышалась деревянная церквушка из побеленного сруба, покрытого небольшим куполом с маковкой и крестом. Это означало, что почтение чародею будет оказано больше из страха, чем из уважения. Улица пуста – народ собрался неподалёку от дома колдуна, на соседнем дворе, и тихо перешептывался, бросая в ту сторону косые взгляды. При виде подъехавшей повозки, в которой сидел мещёрский чародей, собравшиеся облегчённо вздохнули – умирающего колдуна православные побаивались больше, нежели колдуна живого.

Сокол слез с возка и подошёл к людям. Прежде чем приступить к делу, он решил расспросить местных поподробнее: что за колдун, каков его нрав, кто и что за ним странного подмечал. Конечно, по дороге Сокол выжал из старосты всё, что мог, но в таком серьезном деле никакой разговор лишним не бывает. Однако, судя по рассказам селян, всё обстояло как обычно, не лучше и не хуже чем в других местах.

– А кто ходит за ним? – спросил чародей. Колдун там или не колдун, а всякий больной, тем более, умирающий человек требует ухода.

– Племянница ходит, Елена. Она и сейчас там, – ответившая баба махнула рукой. – В его доме.

Тоже в порядке вещей. Кто кроме родственника, притом близкого, станет ухаживать за колдуном на пороге его смерти?

– Пойдешь со мной, – сказал Сокол охотнику. – А ты оставайся здесь, – добавил он, обращаясь к старосте.

Воздух в тёмной комнате стоял затхлый и к тому же в нос било какой-то кислятиной. Пол оказался земляным, ничем не покрытым – христианские сёла на Мещере жили, как правило, небогато. На укрытой шкурами широкой лавке, дёргаясь и мыча, умирал колдун. Сокол увидел глубокого старика с высохшим, почти невесомым на вид телом; увидел седые пряди, лицо, испещренное морщинами и покрытое отвратительными синюшными пятнами.

Возле умирающего сидела племянница. Елена оказалась молодой женщиной, красивой, но измученной двухдневным уходом за необычным больным. Бросив взгляд на вошедших, она встала со скамейки и поправила на голове платок.

– Брала у него что-нибудь? – на всякий случай спросил Сокол, хотя и так видел, что сила колдуна до сих пор оставалась при нём, иначе тот давно уже упокоился бы.

– Что ж я, дура неграмотная? – ответила женщина, пожав плечами.

– Иди, – кивнул Сокол. – Теперь уже не долго осталось.

– Здесь постою, – возразила Елена. – Родня всё же. Может, захочет чего сказать перед смертью.

Чародей не ответил. Придвинув скамейку ближе, уселся перед постелью. Охотник встал в отдалении, поглядывая на больного с опаской.

– Если его будет корчить, поможешь мне, – сказал парню Сокол и занялся, наконец, хозяином.

Колдун умирал тяжело. Колдуны вообще очень тяжело умирают, уходящая сила крутит их перед смертью хуже церковных пыток. Нечеловеческая боль рвалась наружу, старик стонал, скрипел зубами, из его рта шла пена вперемешку с кровью от прикушенного языка. Сокол снял с пояса мешочек. Отщипнув немного от тестообразного вещества, скатал шарик и сунул колдуну в рот. Это был банг – вязкое варево из конопляных листьев, белены и прочих дурманящих трав, изготовлению которого, он научился у одного аравийского лекаря. Банг опасен для живых, если его употреблять без меры, но помогает тяжело больным и умирающим избавиться от страданий.

Колдун притих, его боль медленно отступала.

– Ну всё, дед, – обратился к хозяину чародей. – Мучений больше не будет.

Конечно, он имел в виду земные мучения. А что ждёт колдуна там, за порогом смерти, кто знает…

– Возьмешь у меня змеевик? – приоткрыв глаза, спросил вдруг умирающий старик.

– Возьму, – спокойно, не отводя взгляда, ответил Сокол.

Тот не без усилия протянул морщинистую руку с длинными, но ухоженными ногтями и вложил в ладонь Сокола амулет.

Сперва ничего не происходило – змеевик, сохранивший тепло хозяина, грел руку, и казалось, в нём нет ничего колдовского. Чародей даже было подумал, что дело обойдётся без обычной в подобных случаях борьбы. Но вот ладонь слегка кольнуло. Сокол невольно сжал амулет и сразу же почувствовал, как на него обрушился мощный поток неведомой силы. Будь на его месте обычный человек, или даже чародей без достаточного в таких делах опыта, поток неизбежно захватил бы его, сокрушил, подчинил своей власти, превратил бы в живое орудие, способное продолжить дело умирающего. Но Сокол не зря считался сильнейшим среди собратьев по ремеслу – его собственная мощь значительно превосходила ту, что заключалась в змеевике. Поэтому он без страха открылся потоку, вбирая в себя каждую его частичку. Он впитывал чужую силу, как человек, одержимый жаждой, глотает воду; он растворял её и использовал для усиления собственной мощи.

И почти сразу почуял неладное. Нет, он ни на миг не потерял власть над потоком, тот по-прежнему легко покорялся, но странная чужеродность входящей силы насторожила. На своём веку Сокол многое изведал и до сих пор полагал, что столкнуться с чем-то совершенно новым ему не придётся. И вот – столкнулся. Колдун служил кому-то настолько чуждому, что Сокол не смог даже отдалённо понять сущность этой силы. В другой обстановке он не преминул бы выяснить её природу, но сейчас его собственная неимоверная воля превратилась в помеху. Она успешно подавляла чужой поток, но вместе с тем и закрывала его от сознания чародея. Только подчинив себя чужой воле – как случилось бы со всяким, принявшим от колдуна змеевик, кто не обладал могуществом, соизмеримым с могуществом Сокола – можно понять хоть что-то. Но это стало бы слишком дорогой ценой за знание, а Сокол не готов был заплатить свободой и за более ценные сведения.

Выпытывать у православных селян, какой именно силе служил колдун, бесполезно – эти люди давно забыли своих прежних богов. В лучшем случае от них можно получить лишь смутный намёк. Сокол подумал, что на этот раз любопытство придётся оставить неудовлетворённым. А жаль…

– Как звали тебя? – спросил он. Именно так: «как звали», а не «как зовут».

– Вихрь, – ответил тот хриплым, но отнюдь не старческим голосом.

Чародей резко повернул руки ладонями к себе и оборвал призрачную нить неведомого потока, уже почти полностью иссякшего и растворившегося в нём. Те крохи, что остались в распоряжении колдуна, пригодятся ему в странствиях по загробному миру, каковые никогда не бывают лёгкими у представителей их племени.

– Я последний… – прохрипел Вихрь, как бы желая о чём-то предупредить чародея, но не договорил. Хрип оборвался. Старик медленно закрыл глаза и, сипло выдохнув в последний раз, спокойно умер.

Дело сделано. Теперь местные жители, несмотря на своё христианство, похоронят колдуна с соблюдением старых обрядов: подрежут, как водится, подколенные жилы; положат в гроб лицом вниз; вынесут головой вперёд, а в могилу вобьют непременный осиновый кол. Но всё это уже не будет иметь значения. Колдун перестал быть опасным. Перед самой своей смертью, он, собственно, перестал быть колдуном – стал обычным человеком. Но суеверных мужиков не переубедишь. Да и зачем? Так им будет спокойнее.

Чего нельзя сказать о самом чародее. Страха он по-прежнему не испытывал, но смутное беспокойство осталось. Ох, непрост был колдун, ох непростая владела им сила.

Сокол с Еленой и охотником вышли во двор.

Народ с прибытием чародея осмелел и толпился уже возле самых ворот, вполголоса обсуждая событие. Увидев выходящих, все устремились навстречу, спрашивая, что да как.

– Всё, отмучился, – сообщил охотник вздыхая.

Люди перекрестились и заметно повеселели. На лицах появились улыбки, и радость сдерживало только уважение к усопшему. Староста торжественно направился к Соколу, протягивая ему с поклоном тряпичный свёрток.

– Вот, прими от мира. Чем богаты, – промолвил староста.

Сокол развернул тряпицу. Сельцо расщедрилось на две серебряные гривны – за такую работу явный перебор: видимо, сильно напугался православный народ этой смерти. Чародей оставил себе одну гривну, вторую же вернул старосте.

– Этого хватит, – сказал он. – А теперь отвезите меня обратно.

Провожал чародея только охотник. Староста остался в селе, немедленно занявшись устройством похорон. Суеверные жители решили похоронить колдуна ещё до захода солнца.

По дороге парень немного разговорился. Звали его Николай, но соседи чаще называли его Дымком, за тот запах, что шёл от него постоянно после долгих лесных скитаний. Он и в самом деле промышлял охотой, впрочем, как и многие из его села. А вот покойного колдуна, как оказалось, знал лучше прочих.

– Как-то раз попросил меня Вихрь волчонка добыть. Не молочного, понятно, но щенка. Зачем ему понадобился зверёк, колдун не сказал, а я, понятно, не спрашивал. Где тот волчонок теперь, не знаю. Верно, подрос уже…

Во время неспешного разговора Сокол часто трогал пальцами змеевик, а то и вытаскивал, чтоб ещё раз взглянуть. Тот выглядел вполне обыкновенным – серебряный, с вплавленным в серебро янтарём, с рисунком в виде солнца и месяца.

Вот еще одна странность – как такой амулет мог храниться у колдуна, если известно, что их брат не жалует ни серебро, ни янтарь. Вернее сказать, серебро и янтарь не жалуют колдунов. Впрочем, возможно это ещё одно суеверие, ждущее опровержения. Или же Вихрь был не простым колдуном, а кем-то сверх этого. Кем? «Я последний…» – сказал он. Последний кто? Много в колдуне странного, слишком много. И в змеевике его тоже.

Только показался Мещёрск, охотник опять сник. Он не любил город.

Сельцо. Три дня спустя

Отец Леонтий был человеком небольшого роста и средних лет. Его пузатое, словно бочонок, тело и лоснящееся, вечно красное лицо с жидкой бородой, делали его похожим на бога вина Бахуса, каким того изображали италийские живописцы. Это сравнение было тем более точным, что священник слыл любителем выпить. Каждый вечер он обходил паству будто бы с увещевательными речами. Иногда, ему приходилось долго слоняться от дома к дому, иногда обход заканчивался в первом же дворе. Так или иначе, но к себе он возвращался обычно заполночь. Пиво, медовуху, брагу готовили в каждом доме по-своему и любой прихожанин, оказавшийся утром в нескольких шагах от батюшки, по одному лишь его дыханию, мог легко определить, у кого из селян тот гостил накануне.

Будучи ещё монахом, он грешил чревоугодием и не любил работать. Большую часть времени проводил в своей келье или гулял по лесу, возлагая заботу о пропитании на двух расторопных слуг. До ухода в монастырь был Леонтий человеком обеспеченным, да и в обитель ушёл не по велению сердца, а скрываясь по осторожности природной от нелегкого и опасного времени. Тихая размеренная жизнь вдали от мира ему пришлась по душе. В те годы общежительный устав ещё только обсуждался, и монастыри больше напоминали хорошо укрепленные постоялые дворы, чем строгие заведения затворников. Разве только церковь да отсутствие явного блуда отличали обитель от какого-нибудь дорожного приюта. Но зато божьих людей не трогали ни ордынцы, ни князья, да и не всякий разбойник решался нападать на монастыри.

Находясь у Христа за пазухой, иноки жили при этом почти так же вольно как в миру: каждый вёл своё хозяйство, держал собственную казну. Что до общественных работ, то имеющие средства нанимали вместо себя тех, кто пришёл в монастырь без гроша. Игумен же слыл человеком сговорчивым и прощал монахам мелкие прегрешения за воз репы или кадку зерна. Он радел за общее дело и потому с готовностью закрывал глаза на частности.

Так и прожил бы Леонтий иноком до конца своих дней, но жизнь резко изменилась, когда в монастырь пожаловал владимирский викарий и принялся наводить новый порядок. Подобно ангелу, что спустился в египетской пустыне к Пахомию Великому, викарий принёс с собой общежительный устав. Разжиревших от изобилия и лени монахов, коих вместе с Леонтием насчитывалось больше половины братии, он принудил заниматься трудом и продолжительными молитвами. Им приходилось соблюдать многочисленные посты, как канонические, так и те, что учреждал по ходу дела сам викарий. Такое истязание выдерживал не каждый. Многие собирали добро (нередко даже возросшее за время монашества) и уходили. Леонтий же в по-прежнему неприветливый мир возвращаться отнюдь не жаждал. Он избрал другую стезю. Перестал роптать, претерпел всё насилие над плотью, и уже через год его рукоположили в священники.

Из Леонтия, не склонного к подвижничеству, вышел не самый лучший священник. И потому, после возведения в сан, его не послали в новые земли, а отправили в уже сложившийся приход, который накануне лишился своего основателя. С трудом добравшись до Сельца, которое и отыскалось-то не сразу, Леонтий с ужасом обнаружил, что прежний священник ввёл в приходе непонятный ему уклад. В избе нашлись книги и свитки, писанные латынью, которую новый батюшка не знал. И таковых неправильных трудов оказалось много больше, чем греческих или славянских. На сводах церкви он разглядел изображения мудрецов, про которых мало что знал, а иных и вовсе затруднился припомнить. Но самое ужасное, что посреди алтаря стояло вырезанное из дерева изображение Иисуса Христа, похожего ликом на какого-нибудь поганого Световита.

Леонтий, конечно, знал, что подвижники, расходясь по весям и продвигая влияние церкви, обустраивали приходы исходя из собственного разумения, или же пытаясь приспособить каноны к местным поверьям. Никаких чётких, обязательных для всех правил, не существовало. Но увиденное настолько отличалось от привычного Леонтию, что всё пришлось переиначивать. Первым делом он тайно сжёг оставшиеся от предшественника книги и списки: все, какие не смог прочесть. Затем взялся за лики. Обнаруженного на стене Вергилия батюшка тронуть не решился, так как не имел представления, каким образом сделать новую роспись. Но имя философа на всякий случай со стены сбил, и теперь в этом месте зияла внушительная дыра, сквозь которую виднелись бревна сруба. Имя Гомера, дабы не делать ещё одной дыры, он шкрябал ножом до тех пор, пока разобрать что-либо стало невозможно. Остальных мудрецов, вовсе ему не знакомых, не тронул, опасаясь, вдруг кто из них окажется святым или пророком. Не решился он тронуть и деревянную фигуру Иисуса, но, смущаясь и бормоча молитву, закрыл её платком. Преобразование в службах заключалось лишь в одном: Леонтий сократил их количество до одной в день, а продолжительность свёл к нескольким коротким молитвам. Взамен он ввёл вечерние обходы паствы, якобы с назиданием и увещеванием, из которых неизменно возвращался мертвецки пьяным.

Ничего удивительного, что прихожане отнеслись к новому батюшке с недоверием. Прежнего священника они уважали; и нововведения Леонтия, а особенно дыры на стенах им не понравились. Тем более что и вид батюшки не шёл ни в какое сравнение с богатырским и мужественным обликом предшественника. Совсем не таким, как Леонтий, по мнению людей, надлежало быть пастырю.

Когда началась заварушка с умирающим колдуном, батюшка забился в подклет прицерковной избы и несколько дней просидел там почти безвылазно, наблюдая украдкой за растущим в селе беспокойством, за сходом, на котором решили послать к чародею. Читая под нос молитву, он следил за приездом Сокола, за похоронами старого колдуна. Лишь раз в день перебегал в стоящую рядом церквушку, чтобы провести службу.

Как только колдуна схоронили, священник успокоился. Но на всякий случай не вылезал из дома еще день. Почуяв, что опасность миновала, он принялся размышлять о слабости человеческого духа. «Что есть страх? Суть ли это победа плоти над духом?» – вопрошал себя батюшка и сам же отвечал – «Но плоть не способна следовать за духом. Ибо плоть обречена на смерть, дух же бессмертен. Человек принимает пищу, защищается одеждой от мороза, а кровом от ненастья, он опасается зверя и другого человека. Таково устройство мира. Потому страх дан нам свыше, дабы не забывали мы заповедей господа нашего».

Эти размышления несколько успокоили его. Леонтий вылез в мир и начал восстанавливать свой пошатнувшийся среди паствы авторитет. Собрав селян как бы на молитву, он завел речь совсем о другом. И первым делом попытался возложить вину на самих прихожан.

– Забыли заступника своего, отвергли благодать Господа нашего? – прогремел он грозно. – К поганому обратились? Сами погаными будете. Закроются врата спасительные перед вами, закроются навсегда. Ибо сказано, что останутся вне – псы и чародеи, и любодеи и убийцы, и идолослужители…

– Чего брешешь? – возмутилась одна из женщин. – Ты сам-то где был, когда беда такая на селе приключилась?

– Нишкни! – закричал Леонтий и взмахнул рукой. – Ты, баба, не от разума сейчас говоришь, а от страха. Но не того бояться след, кого ты боишься, о Боге нашем подумай, его и бойся. А твоими устами диавол говорит, душ наших погубитель…

Речь вышла запутанная и непонятная, но миряне, сбитые с толку упоминанием бога и дьявола, притихли на время. Вопрос, поднятый смелой женщиной, батюшке пришёлся не по душе, и он зашёл с другого бока, обвинив Сокола в шарлатанстве.

– Поганый чародей обманул вас, – возвестил Леонтий. – Не отобрал он силу бесовскую у колдуна, просто умертвил его, польстившись на серебро. И теперь Диавол восстанет. И не помогут никакие ваши лукавства против него.

На сей раз, собравшийся народ задумался, однако дальнейшим обвинениям вновь помешала та же женщина.

– Сокол – уважаемый на Мещере чародей, – возразила она. – Мы сами к нему обратились, не он к нам. И польстился он только на половину того, что мир предложил…

– Да и к тому ж колдуна второй день как схоронили, и пока он нас не беспокоит, – добавил староста и поёжился от мысли, что вдруг окажется не прав.

Леонтий осенил крестом женщину, старосту, посмотрев на обоих, словно на заблудших овец.

– Вы, дети мои, слабы ещё духом и зло легко может обмануть вас. Ну где вы видели, чтобы человек, перенявший тёмную силу от колдуна, вёл себя так спокойно, и ничего бы в нём не менялось? Обманул он вас. Сила при колдуне осталась или… – священник намеренно запнулся, – …или всё же передал он её, но не волхву поганому, а племяннице своей Елене. Тото она и в церковь вчера не пришла. Отступила от истины по дьявольскому наущению.

Хотя селяне и не питали к Елене особо добрых чувств, так как вела она после смерти мужа жизнь затворническую, тихую, но и обижать молодую вдову ни с того ни с сего никому не хотелось. Потому бабы вновь зароптали, хотя и не осмелились ещё раз задевать батюшку напрямую. Зато многие мужики и особенно те из них, кого Елена в своё время выталкивала взашей, когда попытались они полюбиться с оставшейся без хозяина женщиной, припомнив былую обиду, встали на сторону Леонтия.

– Верно, не приходила, – сказал кто-то из мужиков.

– Вот! – отец Леонтий вознес перст. – Дьяволица она.

– Мало ли кто в церкву не ходит? – не слишком уверено возразила давешняя женщина. – Разные на то причины бывают…

– Ой, ли, – прищурился Леонтий. – Кто из вас видел, что нездоровится ведьме? Ведьма она, и весь сказ. А ведьме в церковь идти, где Христа прославляют, мука смертная…

Дымок, которому Елена нравилась, но который по ночам к ней не лазил и потому по голове горшком или жердью не получал, понял, что дело для вдовы складывается не слишком благоприятно. Спорить с Леонтием он не мог. Отчасти по причине собственного косноязычия, отчасти понимая всю бессмысленность такого спора. Лишь пробурчал что-то насчёт княжьего суда и незаметно отступил из толпы назад. Бабы набросились на мужей с упреками и ехидными намёками, но те, имея поддержку Леонтия, потихоньку брали над жёнами верх.

Дымок тем временем завернул за угол церковной избы и, поняв, что до него никому нет дела, бросился со всех ног к дому Елены. Обернувшись на полпути, он понял, что всё сделал правильно и главное вовремя. Со стороны церкви уже неслись неприятные призывы:

– Изгнать ведьму. Крестом пытать, серебром…

– Сжечь ее надо. Огонь, он очищает.

– Скотину погубит, проклятая, урожай сгноит… Спешить надобно, до сева…

Дымку, человеку от природы доброму, вспышка ненависти пришлась не по нутру. «Ну и что с того, даже если она стала колдуньей, – размышлял он. – Вихрь вон, сколько лет жил по соседству с православными – и ничего. Никто его жечь не стремился. А тут будто озверел народ…» Эти мысли ещё больше подстёгивали молодого охотника. И скоро он уже барабанил в дверь Елениного дома.

Никто не отозвался. Дымок оглянулся – народ всё ещё толпился возле церкви. Он вновь принялся стучать и, наконец, услышал шаги. Дверь отворилась, и на пороге появилась заспанная женщина.

– Ну, что ещё такое? – недовольно пробормотала она.

– Впусти в дом, – попросил парень.

– Это ещё зачем? – спросила Елена, загораживая проход.

– Впусти, дело есть, – шёпотом сказал Дымок, озираясь вокруг, хотя вряд ли кто-нибудь мог услышать его слова.

– Какое такое дело?

– Впусти, дура! – Дымок потерял терпение. – Тебя касательно.

Пытаясь сообразить, что ж такое стряслось, Елена отошла в сторону и пропустила нежданного гостя. Умаявшись от бессонного ухода за стариком и последующих затем хлопот с похоронами, она проспала весь день, даже не подозревая, что над её головой сгустились серьёзные неприятности. Елена жила одна, и лишь посестрица навещала её время от времени, пытаясь принять участие в судьбе вдовы.

– Замуж бы тебе, – говорила посестрица. – Сколько можно без мужа-то жить?

– За худого не хочется, а доброго негде взять, – отговаривалась Елена.

Ей и самой уже тошно было от неустроенности. Судьба распорядилась так, что мужа Елена потеряла несколько лет назад и с тех пор жила совсем одна. Сватать её, правда, сватали, но как-то всё не сложилось. А потом кто-то пустил по селу мерзкий слушок, дескать, всякому голодному мужику, можно к Елене, случись что, обратиться, она, дескать, без ласки не оставит. Кто пустил слух и зачем, выяснить не удалось, но только зачастили к Елене женихи однодневные. Она уж всяко пыталась отвадить их – и орясиной охаживала, и кипятком поливала, всё без толку. Так уж устроены мужики, что чужой пример их не убеждает. Каждый сам норовил

попробовать. Женщины же разделились на две части. Одни верили порочащему слуху, другие, напротив, считали Елену невиновной и охаживали своих мужиков по второму разу.

Зная всё это, Дымок к Елене не совался даже со сватовством. Поймёт не так – поди потом, доказывай, что хотел иного. Но теперь случай выпал особый, и он, отогнав сомнения, шагнул во вдовий дом.

– Бежать тебе надо, – сказал охотник, слегка задыхаясь от бега. – Леонтий народ баламутит. Убить тебя подбивает. Говорит, ведьма ты, от дяденьки своего, от Вихря, силу переняла колдовскую…

У Елены при этих словах аж ноги подкосились. Как же так? Она села на скамейку и стала оглядывать зачем-то избу.

– Чего медлишь? – заорал на неё Дымок. – Беги, дура. Сейчас сюда придут, сожгут дом с тобой вместе.

Елена дернулась, но возразила по привычке:

– Небось, не сожгут. А не то всё село заняться может.

Однако слова охотника, наконец, проникли в сознание, согнали остатки сна. Елена вскочила, бросилась к кадке, затем к сундуку, вернулась, остановилась посреди комнаты, как бы соображая, что же взять с собой и, в конце концов, принялась суетливо собирать вещи. Оно всегда так. Когда спешки нет, всё на своих местах лежит, а как приходит нужда, и найти ничего нельзя сразу.

Кое-как собралась.

Дымок помог завязать узел и бросился открывать дверь, заранее глянув в окно, – не подошла ли толпа. Толпа не подошла. Видимо, у церкви вышла очередная заминка.

– Вон он лес, рядом, – сказал Дымок, указав рукой на ближайшую к дому опушку. – Беги, что ли, пока не видит никто. А я уж здесь людей дождусь. Попробую отговорить от пакости.

Елена как-то тоскливо посмотрела на темную стену леса, от которого не исходило ни толики гостеприимства, потом повернулась к Дымку и сказала тихо:

– Спасибо тебе, парень, за заботу. Прощай.

Больше ничего не сказала. Подумала только – ему, охотнику, легко сказать «беги», он лес на десятки вёрст вокруг исходил. А ей, женщине, которая кроме грибов и ягод, почитай, ничего и не знает в лесу этом, – ей каково? Однако делать нечего, Елена, пригибаясь, не столько под тяжестью узла, сколько стараясь быть неприметной, побежала к лесу. Оглянулась уже возле первых деревьев. Мужики, возглавляемые отцом Леонтием, шли по селу к её дому. Бабы отставали. Стало ясно, что нынче они верх не возьмут. Елена вздохнула и припустила дальше.

Она бежала по лесу пока совсем не выбилась из сил. Грудь горела, в боку кололо от быстрого бега. Елена присела, прислонясь к дереву, и задумалась. Только теперь она начала осознавать, в сколь жутком положении оказалась. Ночью одной в лесу не выжить. До первого вурда только и добежишь. Да и некуда бежать. Родственников у неё нет. Друзей тоже. А в село не вернёшься – сожгут.

Елена встала и медленно пошла. Уже не спеша, ни на что не надеясь. Догонят так догонят, ей стало безразлично. Но вдруг, откуда ни возьмись, пришла злость. Злость на односельчан, на соседей и на людей вообще. «Нет уж, – решила Елена. – Не выгорит вам, бесястым, из меня костёр устроить. Пусть лучше вурды живьём слопают, а вам, убогим, не достанусь». Вслед за злостью неведомо откуда взялись силы, и она побежала дальше.

***

Дух Вихря ещё не покинул этот мир. То, что случилось в Сельце, задержало его. Если бы не Сокол, колдуну, пожалуй, удалось бы поднять из могилы своё прежнее тело, обойдя примитивные ухищрения селян. И тогда он показал бы злобным людишкам, и в особенности Леон-

тию, что не следует обижать его родственников. Но Сокол своим чародейством порвал связь с плотью, забрал почти всю силу, и Вихрь ничего предпринять не мог. Лишь наблюдал, маясь бессилием, как Елену едва не сожгли на костре и вынудили бежать из села.

Сам-то он уже ничего не мог предпринять, но прежняя связь с владыкой осталась. И осталось одно-единственное страшное средство. Из тех, что берегут на самый крайний случай и молят богов, чтобы случай этот не наступил. Ибо для того, кто решится, оно означает подлинную смерть. Уход в ничто.

И не стал бы Вихрь к нему прибегать, даже ради любимой племянницы, но вскипел в нём гнев, накатила жажда отмщения. И даже вечное скитание бесплотным призраком не показалось ему чрезмерной платой за сладостный миг мести.

Ночью над свежей могилой поднялся огненный шар. С сильным треском он вспыхнул, на миг озарив всё вокруг, и исчез. Селяне увидели вспышку, и многие связали это явление с помершим колдуном. Но никто не догадался, что означает знамение, и какие сулит беды селу…

Дух перестал существовать. Но подлинная смерть дала ему силу, и он воззвал к своему прежнему владыке, и потребовал мести, как платы за службу. И упокоился, уверенный, что месть неизбежна, сколько бы времени она ни заняла. Его хозяин всегда возвращал подобного рода долги.

Окрестности Полоцка. День спустя

В двух верстах на полуночь от Полоцка тоже стояло когда-то Сельцо. Теперь здесь крестьяне не жили, а на месте Сельца давно уже расположился женский монастырь с величественным Спасо-Преображенским храмом и древней усыпальницей полоцких иерархов.

В прежние времена толпы паломников и пилигримов приходили поклониться могилам великих подвижников – Мины, Дионисия и прочих, имён коих предания не сохранили.

Но с некоторых пор поток их иссяк, и посетители стали в обители редкостью. Виновником запустения считали Ольгерда, Литовского князя, у которого с самого начала не заладилась дружба с Москвой. Будучи одновременно и православным, и язычником, он не вмешивался в церковные дела, но всё, что касалось московской митрополии, держал под строгим надзором.

И без того не шумная обитель стала совсем тихой. Лишь изредка раздавался здесь гул монастырского била, возвещающего о начале службы.

После Первого часа одна из схимниц, немолодая уже монахиня Мария, взяв в своей келье книгу, отправилась к усыпальнице иерархов. Здесь, на скамейке возле надгробных плит, в месте удобном для духовных исканий и размышлений, её ожидала игуменья Феодора.

Подойдя к владычице, Мария попросила благословения. Получив, осталась стоять, пока Феодора не предложила сесть рядом. После долгого молчания игуменья произнесла:

– Сестра Ирина в тяжелом недуге. Скоро она покинет нас.

Обе помолчали.

– Но мы не должны забывать о долге, – продолжила Феодора. – Вместо Ирины сегодня пойдёшь ты.

Не сказав в ответ ни слова, Мария склонила голову. Она уже знала, что Ирина угасает и больше не может вставать, а значит, кому-то нужно её подменять до тех пор, пока не будет избрана новая посвящённая.

Игуменья сделала знак рукой, и Мария, ещё раз поклонившись, отправилась в путь.

Покинув обитель, она огляделась. Солнце с каждым днём припекало сильнее и от весенней грязи почти не осталось следа. Широкие, полные ещё неделю назад лужи, совсем исчезли, оставив после себя язвы потрескавшейся земли. Вдали виднелись стены Полоцка с манящими путника воротами, но Мария пошла вовсе не в город. Она направилась к мужскому мона-

стырю, что располагался на полпути к Полоцку. И такая цель отнюдь не смущала схимницу. Она не раздумывала и не оглядывалась, напротив, шла с видом человека, выполняющего важное поручение.

***

Так повелось давно, никто уж и не помнит с каких времён. Но каждый день, независимо от погоды и времени года, в восемь утра и в восемь вечера из ворот Евфросиниева женского монастыря во имя Спасителя уходила к Евфросиниеву мужскому монастырю во имя Пресвятой Богородицы одна из старших монахинь. Кроме игуменьи их было шесть. Шесть схимниц, посвященных в тайну.

Мария шла, а мысли её блуждали в далеком прошлом, которое открылось ей за чтением той книги, что и теперь несла она с собой.

***

Давным-давно, когда не построили ещё здесь ни храмов, ни монастырей, по этой же самой дороге неслась в ночи на вороном коне юная Предслава. Ей тогда только-только исполнилось двенадцать лет, но вряд ли по всей полоцкой земле можно было сыскать более отважную девушку. Она сбежала от родителей, которые сговорились выдать её замуж. Сбежала, подчинившись тогда ещё смутному порыву. И неслась на отцовском коне, не вполне уверенная, что не станет раскаиваться. Слёзы рекой текли из её глаз. Влага во встречном потоке воздуха растекалась по лицу и, подсыхая, холодила кожу. Она прямо сейчас повернула бы обратно, если бы не стоящая перед глазами похотливая рожа отпрыска мелкого князя, к которому, как бы в гости, её привезли родители.

Предслава бежала от рабства, на которое обрекало её ненавистное замужество. Ей, дочери Святослава и Софии, внучке легендарного Всеслава Чародея и Владимира Мономаха, идти замуж за прыщавого недоноска дальнего родича пусть хоть и самого киевского князя?

Сопливый щенок и читать-то толком не умеет. Только и знает, что дурацкие соколиные охоты, да походы с мечом на робких безоружных селян. Та ещё забава. А она в свои двенадцать лет уже вполне овладела и славянским, и греческим. И не только читает – делает списки, переводы, и даже пробовала себя в летописании.

Отца жалко, конечно. Он так её любит. Он так потакал её детским желаниям. Да и замуж собирался выдавать, по своему разумению, для её же, Предславы, блага. Ну вот что ему стоило оставить дочь при себе?

Нет, её ждёт иная судьба, иное будущее. Своевольная внучка Всеслава Чародея, она намеревалась сама определять собственную судьбу. Она мечтала о могуществе. Не о той убогой власти, что имеют князья. Довольно она насмотрелась на жалкие никчёмные дрязги отца и дядьёв. Нет. Она не желала владеть землями и людьми. Но хотела влиять на умы их и души. Предслава знала, что способна на это. Скорее к тётке в обитель. Тётка не выдаст.

Тётка не выдала, но и в монастырь не взяла – приставила отроковицу к книгам. Семь долгих лет девушка провела в архиве Софийского Собора. Семь долгих лет пролетевших как один миг. Она жадно читала свитки и книги, грамоты и писания. Она стала разбираться в политике, медицине, богословии, вопросах мироздания, истории и даже воинском деле. Но всё больше и больше захватывала её история собственного деда, князя-волхва. Ах, что за дед у неё был. Лишь герои былин и греческих легенд могли бы сравниться с ним. Вот только стояла за деяниями деда какая-то мрачная тайна, которая не давала покоя юной послушнице. И теперь целью

Предславы стало найти ключ, разгадать все хитросплетения дедовых заклятий. И, кто знает, может быть, ей удастся когда-нибудь приблизиться к источнику мрачной силы?

Её постригли в монахини, дали новое имя – Евфросинья, хотя многие и спустя двести лет называют её Предславой. С новым именем она взялась за дело. В двух поприщах к полуночи от Полоцка основала женский монастырь и стала его игуменьей. В девятнадцать лет. Однако, посвятив себя богу, она не ушла от мирских забот, кипучая энергия не позволяла замкнуться в монастырских стенах. Спасскую обитель она превратила в средоточие своего влияния. И девичьи мечты о могуществе обрели новую силу.

Оставалась правда одна препона – суть и глубину её замыслов из недалёких монашек мало кто понимал. Предславе понадобились люди своего круга. И она нашла выход – привела в монастырь сестёр Гордиславу и Звениславу. Отец, понятно, в восторг не пришёл. Он просто взбесился. Непутёвая дочь захватила власть в княжеской семье, не обращая внимания на отцовские дела, которые и так шли из рук вон плохо. Задуманные им династические браки рушились один за другим. Братья за его спиной ухмылялись, не зная, что скоро настанет и их черед. Зато София, мать Предславы, напротив, переменила своё прежнее мнение и чем могла, помогала трём сестрам.

Первым делом Предслава навела порядок в доме. Полоцкие земли в то время раздирала вражда её дядьёв и отца, не способных ладно управлять дедовым наследством. К тому же зарился на них и киевский князь Мстислав. Он-то, в конце концов, и одержал верх. Поверженных князей сослали в Царьград, но одолев мужчин, Мстислав спасовал перед женщинами. К тому времени Предслава уже вполне постигла дедову тайну. Её не смутило, что источник силы тёмен и страшен, далёк от чистой и предельно понятной нынешней её веры. Но девушка нашла способ заставить тьму работать на воплощение собственных замыслов. Предслава верила, что пока её мысли чисты, она устоит перед любым искушением.

Итак, Мстислава отбросили, а в Полоцком княжестве под мудрым правлением женщин, воцарился мир и покой. Когда же все дела княжества пришли в порядок, когда всё наладилось, Предслава вдруг ушла в Иерусалим. Навсегда. Говорили, грехи искупать ушла – за вынужденную связь с тёмной силой.

Но, опасаясь как бы сила та не попала в дурные руки, или, хуже того, не вырвалась на свободу, Предслава перед уходом заключила все свои тайны в построенный для этого Храм Богородицы. А ключом к сокровенному знанию стали рукописи, которые, не решаясь довериться местным иерархам, она по пути завезла в Царьград, где передала патриарху.

***

За высокими стенами монастыря и возвышалась громадина того самого Богородицкого Храма. Много странностей заключал он в себе. Много тайн хоронил. Начать с того, что в Полоцке уже стоял один храм во имя Богородицы, вполне обыкновенный. Поэтому, чтобы отличать их в разговоре, тот, что за городом, прозвали Новым. Но это простой народ и люди непосвящённые. Духовенство же в своем узком кругу называло его не иначе как Храмом Предславы.

Здесь не проводилось никаких служб (монастырь пользовался отдельной церквушкой). Не имел храм ни прихожан, ни полноценного клира. Только настоятель да несколько монахов следили за порядком, наполняя своды гулом шагов.

Необычный иконостас помещал вместо библейских деятелей мрачные лики, походившие больше на колдунов или волхвов. Росписи на стенах также далеки были от церковных канонов, изображая надгробия, мертвецов, кровавые сцены и прочие малоприятные действа. У редкого посетителя они вызывали жуткое ощущение, и глаза опускались сами собой, ища более безопасного зрелища, пусть им оказывались хоть трещины на полу. Даже у далёкого от правосла-

вия человека неизбежно возникло бы ощущение, что храм этот посвящён кому угодно, только не Богородице. Впрочем, ни один сторонний человек, включая хоть и самого великого князя, в храм не допускался. Не допускались сюда и проезжие священники.

Само собой, тайна породила в среде духовенства множество самых невероятных слухов. Святые отцы, встречаясь друг с другом, тут же начинали шептаться о Храме Предславы. Слухи разделили их. Одни настаивали на том, что в росписях храма заложено пророчество Евфросинии о конце света и пророчество это прячут от людей, дабы не смущать их и без того слабый дух. Вторые, соглашаясь с первыми по поводу пророчества, уверяли, однако, что касается оно вовсе не конца света, а как раз наоборот, скорого возвышения языка и веры, а в тайне его держат, дабы происков вражеских избежать. Но были и третьи, которые считали, что в Храме Предславы содержится в заключении неведомая тёмная сила.

Всё разнообразие слухов жестоко пресекалось викарием, и кое-кто из высшего духовенства уже поплатился за длинный язык саном и местом и теперь коротал дни в далёкой северной обители, где мог вдоволь говорить разве что с белыми совами.

И ещё – дважды в день, меняя друг друга, в храм приходили схимник и схимница. Обычных рясофорных монахов к тайне не допускали.

***

Мария постучала в заросшие вьюном монастырские ворота и тут же услышала лязг засовов. Её ждали. Привратный брат, впустив схимницу, поздоровался, но она промолчала в ответ. Монах не удивился – так было всегда. Перекрестившись, Мария направилась к храму.

Он выглядел заброшенным: главные врата запечатаны, все подходы к ступеням заросли кустами багульника, а кое-где сквозь камень проросли молодые деревья. Поэтому Мария направилась не к главному входу, а к небольшому и очень низкому приделу, куда вела выложенная камнем тропинка.

Этот придел и являлся вместилищем той самой тайны, что не давала покоя святым отцам.

Посреди тесного помещения возвышался тёмно-серый саркофаг. Взгляд не мог уловить даже малой щёлки, словно его высекли когда-то из цельного камня. Поверхность украшали витиеватые линии, которые сливались и разбегались, казалось, безо всякого смысла. Рисунок их походил на тайное письмо, что хоть и редко, но ещё встречается на старых мечах и доспехах.

По разные стороны от саркофага сидели на скамеечках монахиня и монах. Они не разговаривали, читали каждый свою книгу, лишь изредка бросая взгляд на надгробие и меняя догорающие свечи.

Сидящая на скамейке сестра поднялась, уступая место, и поспешила покинуть придел. Мария села. Открыв принесенную книгу, углубилась в чтение. Она читала медленно, задумываясь на каждой строкой. Да и разобрать написанное в тусклом мерцании свечи не всегда удавалось сразу.

Дочитать главу она не успела.

Тишину нарушило исходящее словно из-под земли шипение. Не глухое, какое издаёт змея, а звонкое, подобное треску на углях смолы или масла. Монах привстал, посмотрел на женщину и впервые их взгляды встретились. И не оказалось ничего в этих взглядах кроме тревоги. А шипение перешло в невыносимый скрежет, слегка заглушаемый толщей основания храма. Скрежет сменился хрустом. Старая женщина, уронив от неожиданности книгу, увидела, как по саркофагу разбегаются трещины. Хруст нарастал, трещины ширились, и на пол уже сыпались отделяющиеся от саркофага осколки. Поднялась удушливая пыль, послышался резкий и неприятный запах.

– Случилось… – только и смогла произнести Мария, нарушив двухсотлетнее молчание мрачного места.

Городец Мещёрский. Апрель 6860 года

Сокола в торговых рядах хорошо знали и уважали. Даже не как чародея, но как честного и мудрого человека. Он решал споры, держал заклады, выступал свидетелем в сделках. Нередко даже самые опытные купцы просили у него совета, ибо, скитаясь по свету, Сокол научился разбираться и в дамасской стали, и в кашмирской ткани, и во многом другом. За честный труд платили ему неплохо. На одно это, даже не обладая другими способностями, он мог бы прожить безбедно.

Но теперь он пришёл сюда по другому делу.

На торгу в эту пору немноголюдно. Большая торговля идёт здесь по средам и пятницам, в остальные же дни нет и четверти того оживления. Однако человек, которого искал Сокол, оказался на месте.

Возле ханьского купца, что поставил шатёр неподалёку от берега, всегда толпились любопытные. Неважно чем торговал Чунай, хоть бы даже и вовсе не торговал, люди собирались возле шатра всё равно. Они приходили не покупать, а послушать рассказы.

Купец слыл человеком не от мира сего. Прибыток его волновал мало, и вообще торговля увлекала не сама по себе, а лишь как средство увидеть мир и переговорить с самыми разными людьми. Поэтому он не просто возил восточный товар в Нижний Новгород, а затем в Москву, но совершал сделки всюду, где доводилось проезжать – даже в сёлах и небольших городках. Иногда казалось, что он больше платит пошлин, чем получает прибытка. Но как бы ни шли у Чуная дела, он всегда и всякому улыбался.

Завидев Сокола, купец растянул рот в улыбке и приветствовал его на ломаном русском. Чародей в ответ поздоровался по-аравийски.

– Зачем тивой говорит мине арабский? – удивился тот. – Тивой не думай, чито Чжу Чунлю арабский купец?

– Нет, не думаю, – согласился Сокол. – Но я ведь тоже не русский. Считай, что мы в расчёте. Как поживает твой брат? Как дела на родине?

– Новости долго идёт к моём ухо. И в дороге перестаёт быть новостями. Миного языков и ушей искажать пиравда, делать силух, легенда.

– Что ж, расскажи мне легенду, – попросил Сокол.

– О! Чунба вернулся в монастырь Хуанцзюэ. Голода больше нет, – Чунай убрал улыбку и, перейдя на шепот, добавил. – Но мой родной земля поднял великий симута. Майтрейя сошёл с небес и Мин-ван явился в мир. Землекопы, латавший насыпь на Жёлтый Река, видел зинамение и поднялся. Мин-ван пиринёс жертву. Небо получил белый конь и Земля визял чёрный бык. Пиришёл час освобождения.

– Хм. Даже так? – известие для чародея оказалось неожиданным. – Полагаешь, что восстание может быть успешным?

– О! – Чунай закатил глаза. – Никто не может помешать Мин-ван. Ибо давно пиредсказано, когда в мир сойдёт Будда Майтрейя, мир переменится. Весь мой ситрана стал кирасный.

– От крови?

– Ха! И от кирови. Да. Но кирасный повязка на голову – это зинак великая симута. Зинак воинства сиветлого князя.

– Любопытно… – Сокол задумался.

– Но тивой хотел пиросить о другой, – купец хитро прищурился. – У Чунлю есть этот вещь.

Он принялся рыться в многочисленных корзинах и свёртках и, наконец, достал увесистый кожаный мешочек. Передавая его Соколу, Чунай очень серьёзно предостерёг.

– Тивой не должен давать этот вещь вода и огонь. Вода портить, огонь убивать.

– Да, я знаю, – ответил Сокол, передавая купцу несколько гривен почти такого же веса, как и полученный мешочек.

Они попрощались, и чародей отправился домой.

Поднимаясь наверх, Сокол наткнулся на Блукача. Тот увязался за молодой девушкой, что-то говоря ей на ухо.

Из всех обитателей Мещеры Блукач был, пожалуй, самым чудным человеком. Он всегда появлялся неожиданно и так же неожиданно пропадал. Его встречали на торгах, на сельских сходах, на дорогах и улицах. Его знали все, и в то же время никто не мог уверенно сказать, кто он такой, где живёт и откуда взялся в этих краях. Одни считали Блукача юродивым, другие – пророком. Он не голосил, не пускал слюни и не бился в припадках, говорил тихо и спокойно. Но вот понять, о чём идёт речь, получалось не всегда.

Увидев чародея, Блукач оставил девушку в покое и замер как вкопанный. Лицо его не выражало ни страха, ни радости, казалось, будто он пытается припомнить что-то очень важное. И видимо это ему удалось, потому что когда Сокол подошёл ближе, Блукач заговорил:

– Начало положено, чародей, начало положено. Ворон грядёт. Грядёт воинство мести. Вериги отброшены, печать сломлена. Узилище пусто, сторожа ждут возмездия в страхе. И не будет спасения многим. Изгнанница станет надеждой изгонителей. Начало положено, чародей…

«Много могло быть пользы от Блукача, кабы он выражался яснее», – подумал Сокол, шагая мимо. Но всё, что говорил прорицатель, он запомнил, слово в слово.

Дабы оставаться в ведении самых отдалённых событий, чародей, осевший в глухой Мещере, вёл обширную переписку с десятками самых разнообразных людей, с которыми довелось ему когда-либо повстречаться. Много странствуя в молодые годы, он завязал знакомства даже в таких странах, о которых на Руси не каждый и слышал, а если кто и говорил, то больше в тех рассказах содержалось небывальщины, нежели правды.

Письма, прежде чем попасть в Мещеру, проделывали долгий путь на купеческих кораблях или в торговых караванах, передавались через десятки рук, от знакомых к знакомым, и если судьба оказывалась к ним благосклонной, доходили наконец до Сокола. Не везде переписка с чародеем из далёкой лесной страны считалась в порядке вещей, в иных землях она могла стоить человеку свободы, а то и жизни. Поэтому Сокол ради безопасности использовал подставное имя. К подобному ухищрению прибегали и многие его знакомые.

В Мещёрске письма прибывали в дом Савелия-плотника, на имя его старшего сына Кириллки. Савелий забирал письма, объясняя, что сын его, дескать, находится теперь в отлучке. На самом же деле никакого Кириллки в природе не существовало, а единственный сын Савелия, Алёшка, проживал в Муроме.

Чародей посещал дом плотника раз в неделю, а то и чаще, если вдруг доводилось оказаться поблизости. Вот и теперь, возвращаясь с торга, он заглянул сюда в неурочный день. Не зря заглянул. Писем оказалось целых два, и прибыли они хоть и из разных концов света, с одним и тем же бременским гостем, что останавливался в Мещёрске днём раньше. Первое пришло от Ибн-Баттуты, второе от новгородского купца Ивана Демьянова. Сокол расплатился с Савелием за услугу, и, поблагодарив, отправился домой.

Вернувшись к себе, он, прежде всего, припрятал полученный от Чуная мешочек в укромное место, подальше от огня и сырости, а затем распечатал письма. В первом, Ибн-Баттута из Танжера, с которым Сокол странствовал когда-то по Индии, сообщал о подготовке нового своего путешествия, на этот раз вглубь Африки, в Тимбукту. Звал он с собой и мещёрского чародея, к которому испытывал дружеское расположение. Но, разобрав число, Сокол подумал,

что поскольку письмо шло более года, то путешественника, вполне вероятно, давно уже съели в том Тимбукту.

Второе письмо оказалось хитрее. Даже если бы кому и пришло в голову полюбопытствовать, о чём переписывается мелкий новгородский купец с сыном мещёрского плотника, он всё одно ничего бы не понял. Послание было записано тайным письмом, понять которое из ныне живущих могли только два человека. За именем Ивана Демьянова скрывался никто иной, как новгородский архиепископ Василий Калика, давний друг Сокола. Они были друзьями настолько, насколько может быть крепкой дружба между священником и чародеем. И знакомство их продолжалось уже не первый десяток лет. Мало кто мог поверить в такое, и это только способствовало сохранению тайны.

Калика был человеком больших способностей и редкого по проницательности ума. Не напрасно многие посвященные люди считали его тайным правителем новгородских земель.

Он писал об извечных спорах с Москвой и о своём бывшем воспитаннике – Михаиле Микулинском. Большие надежды возлагал архиепископ на внука тверского великомученика. Он приготовил московским князьям сильного соперника, о чём не без гордости и сообщал другу-чародею. Больше ничего примечательного в письме не содержалось. В общем, старый священник вовсю занимался своим излюбленным делом, а именно плёл интриги.

Сокол убрал письма в ларец, а тот спрятал в тайник

Затем вытащил змеевик.

Сидя за столом, он задумчиво вертел его перед собой. От подарочка колдуна до сих пор исходила неведомая мощь, вернее – какое-то отражение той силы, что вошла в чародея и растворилась в нём. Сама по себе сила его не страшила. Смущала неизвестная её природа. Сокол не любил нерешённых загадок, от которых неизменно проистекали какие-нибудь неприятности, вроде неурожая или великих завоеваний. Но и проникнуть в тайну змеевика с наскока, ему не удалось.

– Полагаю, тебе тоже нечего сказать… – спросил чародей у пса, лежащего на своём привычном месте.

Пёс фыркнул, словно лошадь, и лизнул собственный нос.

– Я так и думал, – вздохнул Сокол. – Пожалуй, стоит наведаться к Мене.

Сказав это, он тут же нахмурился. В последнее время, каждая его поездка к молодой ведунье неизбежна влекла за собой опасные приключения. Девушка, конечно, здесь ни при чём. Просто нужда, приводящая к ней чародея, всегда имела серьёзные корни.

Казалось бы, что может таиться в змеевике страшного, если Сокол не поддался чуждой силе в самый опасный миг, когда упокаивал Вихря. Ан нет! Раз уж решил ехать к Мене, будьте спокойны – приключения не заставят себя ждать.

***

Впервые он ввязывался в новое дело один. Молодые друзья спешили жить, и с приходом весны разбежались из глухого лесного угла. Рыжий с вурдами промышлял где-то под Владимиром, Тарко пропадал в Муроме…

А старый князь уже отходил потихоньку от дел, и беспокоить его лишь смутными намёками Соколу не хотелось.

Впрочем, заскочить на княжеский двор всё равно пришлось. Для поездки в Елатьму требовалась лошадь. Своих чародей не держал, а одолжить, не вызывая лишних расспросов, ни у кого, кроме князя, он не мог.

Ук же никогда не отказывал в помощи. И вопросов не задавал. Надо, значит надо. Сочтёт чародей дело важным, сам расскажет.

– Бери любую, – сказал князь и уточнил только. – Какой дорогой поедешь?

– В Елатьму мне нужно, – объяснил Сокол. – Туда и обратно. Надеюсь, за день управиться.

– Тогда смени лошадь в Полутино, – посоветовал Ук. – Тамошний конюх тебя знает. Заартачится, сошлись на меня.

Ук нахмурился.

– Не знаю, что за напасть случилась, да и знать не хочу. Но удачи тебе, чародей!

Вот и весь разговор.

Поблагодарив князя, Сокол отправился в конюшню.

Тридцать вёрст хорошей дороги с мощёными спусками и подъёмами, с конной подставой в Полутино, заняли у него ровно полдня. На добрых княжеских конях одно удовольствие с ветерком прокатиться. Единственное чего он опасался, так это что девушки не окажется дома.

Но опасался зря. Мена вышла, едва заслышав под окнами ржание.

– Заходи, – улыбнулась ведунья. – Рада видеть тебя. Отдохни с дороги.

– Отдыхать не стану, извини, – отмахнулся Сокол. – Я ненадолго. К вечеру надеюсь вернуться.

– Опять по делу? – усмехнулась Мена. – Нет бы хоть разок просто так заглянул, без спешки твоей всегдашней. Я бы уж нашла, чем тебя угостить, чародей. Уж, поверь, не обидела бы.

– По делу, – согласился тот, пригибаясь в дверях. – Если ты не поможешь, то и не знаю к кому обращаться.

Мена хмыкнула.

– Ты только не прибедняйся. Сильнее тебя чародея не сыщешь. Меньше бы в молодости по бабам бегал так, глядишь, и вовсе в боги бы вышел.

– Богом мне быть без надобности, – буркнул Сокол. – Хлопотное это дело. А что касаемо силы, то я ведь не всемогущ – умею всего понемногу. Но знаю, в каком случае и к кому можно обратиться за помощью. Так что не откажи.

– Тебе не откажу. Ни в чём не откажу, – завораживающе улыбнулась Мена, явно имея в виду не только просьбу, хотя чародей годился ей в лучшем случае в деды. – Опять разыскать кого требуется?

– Нет, – Сокол вытащил змеевик. – Можешь сказать про вещь эту что-нибудь? Покоя она мне не даёт, чувствую за ней опасность какую-то, а что за беда – не ведаю.

Мена осторожно вязла змеевик и долго рассматривала, поворачивая то так, то эдак. Затем вернула и произнесла не слишком уверенно:

– Работа старая, славянская. Думаю, в Рязани змеевик сделан. Только вряд ли найдёшь теперь потомков того мастера. Нет больше Рязани, и мастеров её великих больше нет. Если только в степи кого сыщешь. А силу, извини, я не чувствую вовсе. Не мне эта вещь предназначена, потому и не отзывается. Лишь отблеск смутный коснулся, но понять что к чему не по моим способностям.

Гость закусил губу. От Мены он надеялся узнать больше.

– Дал его мне колдун умирающий, – уточнил он. – Вихрем назвался.

– Вихрь? – девушка прищурилась. – Помер, значит, старик?

Сокол кивнул.

– Вихрь Чёрному Богу был посвящен, ему служил. В этих местах не знаю я больше чернобоговых слуг. Может, в вечерней стороне кто-то остался. Хотя не думаю. Старых богов теперь мало почитают. Перуна разве только, да Сварога с Велесом.

Чародей задумался.

Вот еще напасть – Чернобог. Это имя совершенно сбило его с толку. Сокол не верил в Чернобога. Не в том смысле не верил, что не поклонялся и не почитал. Чёрного бога вообще

мало кто почитает. А в том смысле, что совершенно отрицал его существование, считал все россказни такого рода чистым вымыслом или, на худой конец, искажённым преданием. Сокол немало знал про богов – и про местных, и про чужих. Знал не понаслышке – приходилось и сталкиваться на неведомых дорожках. Ну вот не значилось среди них никакого Чернобога. С другой стороны, и вихрева сила была необычной, незнакомой. Так что появилось теперь над чем поразмыслить.

– За помощь спасибо, – протянув руку, чародей провёл ладонью по волосам девушки. – Что до остального, то не те уже мои годы. Так что – прощай.

Он вышел из дома и лихо, как бы опровергая свои же слова про годы, вспрыгнул в седло.

Москва. Две недели спустя

После краха изящной затеи с захватом Муромского княжества и неудачи Серой Орды в диких Мещёрских лесах власть викария пошатнулась. Нет, никто из владык, или, тем более, подчинённых, не почувствовал даже намёка на слабость, но Алексию хватало собственных ощущений. Только их он всегда и считал единственным верным мерилом.

Такого поражения, какое потерпело его воинство в прошлом году, ему не доводилось испытывать ещё ни разу. Замыслы, хоть и не рухнули вовсе, требовали теперь на осуществление гораздо большего времени. Времени, которого так не хватало. И за многими, если не за всеми неудачами стоял Сокол – мещёрский колдун, которого он, викарий, поначалу недооценил, а каких-то два года назад и вовсе почти ничего не слышал о нём.

Своих врагов викарий не уважал, но всегда отдавал им должное. До тех пор отдавал, пока враги числились среди живых. Сокол всё ещё числился, и потому с прошлого года Алексий взял за правило собирать все донесения о чародее в особый ларец. Вот и сейчас он поднял крышку, чтобы положить очередное письмо, но задержался и перечитал ещё раз:

«Лета 6860 года, месяца Апреля, в девятый день, в Сельце помер колдун, прозываемый Вихрем. Колдун умирал в бесовых муках и маялся долго. А упокаивал того Вихря другой колдун, именем Сокол, приехавший в Сельцо по зову суеверных мирян из Мещёрска. Оный Сокол принял от Вихря колдовской знак – змеевик и, судя по этому, перенял его силу. Миряне колдуна схоронили без отпевания, проведя поганые суеверные обряды. В третий день мною учинён был розыск и была выявлена ведьма, племянница упомянутого колдуна, именем Елена. Однако ведьме, не без бесовской помощи, удалось сбежать…»

Ничего особенного, – подумал Алексий, запирая ларец. И ничего, что могло бы помочь сладить с врагом. Будь на месте Леонтия кто поумней, может, и вышел бы какой толк. Но все, кто поумней, сгинули в том же самом проклятом году заодно с лучшими его бойцами.

Алексий вышел из кельи и отправился во внутренний дворик монастыря, откуда раздавался непривычный для обители звон мечей и совсем уж неуместная в доме божьих слуг отборная ругань.

Потеряв тогда почти половину своего монашьего воинства, Алексий приказал Василию перестроить тайную службу.

– Прекрати отбирать монахов только лишь по их тучности и росту, – заявил он печатнику. – У нас нет времени обучать деревенщину. Мы тратим годы на то, чтобы сделать из них воинов, а потом теряем в один день из-за того, что они изначально не слишком годились для дела. Троих в Литве, дюжину в Мещере, да по одному сколько сгинуло то там, то здесь? Не слишком ли много напрасных потерь?

Поэтому оставь в покое простых иноков. Этих болванов сколько ни учи, а против настоящих бойцов они не выстоят. Ищи по монастырям бывших дружинников и бояр, что ратному

делу сызмальства обучены. Про каждого сперва мне доложишь подробно. Каждого – ко мне на беседу. Я уж сам буду решать, кто подойдет, кто нет. И поторопись…

Василий не оплошал. Как всякий хороший слуга, он не ограничился выполнением прямых указаний, а проявил расторопность и смекалку. То есть, когда, например, оказалось, что в монастырях подходящих людей не хватает, он именем викария попросту постриг в иноки нескольких боярских отпрысков, припомнив тем кое-какие грешки.

За год Кантарь, один из лучших бойцов, вылепил из породистого материала настоящих воинов веры. Боярских сынков и бывших дружинников он только что по земле не размазывал. Сгонял с них столько потов, что вечером те хлебали воду, словно кони, перешедшие великую степь.

Хотя любой из них в честной схватке одолел бы наставника, который до иночества промышлял торговлей, но в том-то и дело, что тот проповедовал схватку нечестную.

– Для обычной работы княжеская дружина есть, да ополчение, – говорил Кантарь ученикам. – А вам предстоит война тайная, исподтишковая. Ваш враг вовсе и не с мечом может выйти, и не в воинской личине…

Он гонял учеников с раннего утра до позднего вечера. А зачастую и среди ночи поднимал. Молодые монахи начинали день не с молитвы, от которой особым распоряжением их освободил викарий, а с длительной пробежки по окрестным лесам. Кантарь прививал новикам не просто выносливость, но, прежде всего, умение передвигаться скрытно, не теряя при том направления. Потому уходили они в лес ещё до рассвета, чтобы выучиться и в темноте двигаться не хуже, чем при солнечном свете. И только после часа или двух подобных занятий наступала пора завтрака. Тоже необычного. В соответствии с другим распоряжением викария, ученики не соблюдали постов и вовсю поедали мясо. Чтобы не смущать нарушением обычных иноков, питались они отдельно, да и жили в особом монастырском закутке, отгороженном от прочих. Целый час после завтрака, новики читали книги и свитки. Отнюдь не богословские и не канонические. То были книги на всевозможных языках, какие только находились в здешней книгарне.

Затем упражнялись на мечах. До того, как попасть в руки Кантаря, многие его воспитанники считали это дело самым любимым занятием. Теперь им пришлось пересмотреть свои взгляды. Теперь они готовы были выучить хоть ханьское наречие, если бы это помогло избежать ежедневного взаимного избиения во дворе. Но Кантарь требовал от них и того, и другого. За мечами следовали луки, за луками – сулицы, за сулицами – топоры и чеканы. Не обходил Кантарь вниманием и самострелы, и шестопёры, и всевозможные кистени, ножи, удавки. Каждому оружию находилось в его уроках достойное место.

Алексий нередко приходил посмотреть на учёбу, на состязания. Он никогда не вмешивался в работу наставника, лишь стоял незаметно в сторонке и наблюдал. Из одиннадцати учеников Кантаря он особо выделял одного – того, которого приняли лишь по его, викария, настоянию.

Пересвет пока что не подводил Алексия. Числился среди лучших почти во всём, а уж в старательности и упорстве ему не находилось равных. Особенно по нраву пришлась викарию сообразительность Пересвета. Заковыристые задачки тот всегда решал первым и задолго до всех прочих новиков.

Сейчас, когда священник вышел во дворик, чтобы взглянуть на любимчика, Кантарь занимался с другими. Пересвет же, сидя под навесом, читал книгу. Вопреки обыкновению, викарий подошёл к юноше, поздоровался.

– Каковы твои успехи? – мягко спросил он.

– Я ещё очень далёк от того, чтобы быть хоть чуть-чуть полезным вере, кир Алексий, – ответил юный монах и склонился.

– Тем не менее я полагаю, что ты переймёшь науку Кантаря прежде остальных, – возразил священник. – Вот и теперь, когда все только учатся бросать топор, ты читаешь.

– О, нет, – смутился Пересвет. – Тут дело в другом. Я с детства обучен бросать топор. И наставник решил, что мне полезнее будет заняться чтением.

Удовлетворённо кивнув, Алексий взял из рук юноши книгу. Это была, собственно, не книга, а несколько сшитых вместе свитков с сочинениями Омара Ибрахима Хайяма.

– «Трактат о бытии и долженствовании», – перевёл викарий заглавие. – Однако странное чтение для воина церкви. Ладно ещё, что не рубаи…

Он задумчиво посмотрел на покрасневшего юношу, как бы оценивая способность того разобраться в мудрёном трактате.

– Надеюсь, это пригодится тебе когда-нибудь. Бесполезных знаний не бывает, как и знаний опасных. Что бы мы там ни говорили пастве. Если твоё сердце с богом, а помыслы чисты…

Разговор неожиданно прервал печатник. Подбежав к священнику, он взволнованно сообщил:

– Прибыл гонец из-под Полоцка, от игуменьи Феодоры, говорит дело срочное.

Алексий вернул Пересвету книгу, попрощался и, сурово глянув на Василия, отправился обратно в келью.

Гонец с поклоном протянул грамоту. Алексий движением руки приказал печатнику взять письмо, а затем, более резким взмахом, выпроводил из кельи гонца.

– Читай, – приказал викарий, усаживаясь за стол.

Сломав печать, Василий осторожно развернул свиток.

– Так, приветствия опускаю. По сути – «Месяца апреля, в десятый день, в храме Пресвятой Богородицы произошло известное знамение. Божьим изволением грехов наших, двинулось место под Спасским монастырём, и тогда стены…»

– О Боже! – печатник, до которого дошел смысл прочитанного, изменился в лице и испуганно посмотрел на викария.

– Читай дальше, – раздраженно потребовал тот.

– «… и тогда стены храма обрушились, и людей, находящихся в нём, изрядно подавило. Настоятель и монахи, приставы его, погребены были под камнями. Схимница Мария с Божьей помощью успела выбраться из обрушения. Она и сообщила о знамении…»

Алексий встал и прошелся по комнате. Архидьякон смиренно молчал, боясь даже вздохнуть и тем потревожить размышление викария. Но тот не обращал на него никакого внимания. Скорее всего, это ничего не значит. Ну рухнул храм, ну подавило монахов. Сразу уж и знамение! Всякое могло случиться…

Да нет! – осадил он сам себя. – Не стоит надеяться на «всякое». Такие храмы сами по себе не рушатся. Тут медлить нельзя – необходимо тотчас проверить новость, оценить степень угрозы. Но проверить не так-то просто. В Полоцк ехать опасно. Под князем Ольгердом сейчас Полоцк. А князь не больно-то жаловал иерархов церковных, что в Москве засели. Попадись в его руки викарий, мог и шкуру спустить, как это он проделал с Круглецом, царство ему небесное. Очень уж зол литовский князь на то, что поддерживает Москва власть ордынскую и с её помощью прибирает к рукам соседние земли. Мнил себя Ольгерд единственным народным защитником от пришлых врагов.

Так что проверить что да как самому не удастся. И поручить некому – в тайну очень немногие посвящены, а полностью ею владел лишь Алексий. И лишь он один из всех ныне живущих понимал всю серьёзность случившегося в далёком Полоцке. Ни Феодора, ни любая

из её монахинь, ни печатник, ни даже митрополит не знали всего. Именно он, Алексий, по должности приглядывал за Храмом Предславы; он один хранил тайное знание; и, наконец, только он и мог распоряжаться той силой, что заключена в Храме.

«Была заключена»…, – вновь поправил себя священник.

И если обрушение Храма не случайно, если это действительно то самое знамение, о котором предупреждала Предслава в своих пророчествах, то дело и вправду дрянь… И теперь уж не до мещёрского колдуна, не до усмирения вольных князей, не до Ольгерда. То, что церковь утратила тайное орудие, ещё полбеды. Гораздо хуже, что, вырвавшись на свободу, оное орудие может запросто обернуться против бывших тюремщиков. А вот это угроза уже нешуточная.

Какова природа той силы, не знал точно даже викарий. Предслава оставила не много указаний на сей счёт. Вроде бы, какой-то древний славянский божок, вступивший в сговор с князем Всеславом и попавший потом в хитроумную ловушку его внучки. Совладать с ним, покорить его вновь Алексий не сможет. У него нет ключа, что сумела создать Предслава, но, пожалуй, куда важней, что у него нет такого деда.

Алексий повернулся к ожидающему печатнику и распорядился

– Вот что, Василий, отряди пару верных людей в Полоцк. Пусть отправляются в мирском платье, скрытно. И пусть доставят в Москву Марию.

Подумав, добавил:

– Но чтобы ни слова она по пути не молвила. Ни единого слова.

Глава вторая
Пришествие

После вековой тьмы пришла смерть. И он тёк подобно тягучему молодому мёду, и всё вокруг него двигалось, и только время застыло, окаменело и окружало потоки сущего твёрдыми пределами. В смерти нет места времени.

Но он услышал зов, и пределы треснули, распались, рассыпались крошкой, и пылью, и чем-то, что значительно мельче пыли. И всё вокруг застыло, а время, наконец, потекло.

***

Небывалые в эту пору две недели засушливой жары повернули весеннее безумство природы к летней размеренности. Разбухшие от паводка ручьи и реки вернулись в прежние русла. Одержимое брачной лихорадкой зверьё утихомирилось, попряталось по дуплам, гнёздам, норам. И лес вновь стал таким, каким ему и положено быть – тихим и глухим.

Одинокому охотнику в поисках добычи пришлось забраться далеко от родной деревни. Но проклятая дичина не желала раньше времени попадать на стол. Будто вымерло всё на два дня пути.

Он вышел на прогалину, большую часть которой занимало болото с одиноко торчащей на островке мёртвой сухой сосной. Болото почти пересохло, так что охотник добрался до островка, едва замочив ноги. Он порядком устал и решил передохнуть возле дерева. Место казалось спокойным – на много шагов вокруг негде укрыться опасности. Разумеется, никакого, даже самого свирепого хищника, охотник особенно не боялся, но ведь в лесу водятся не только звери.

Прислонив к сухому стволу лук, он присел рядом и достал из сумки свёрток с едой. Неспешно перекусил нехитрой снедью, запил родниковой водой. Вздохнул, сознавая, что пока больше ест, чем добывает. Завернув остатки еды, припрятал до вечера. Потом прилёг здесь же вздремнуть – пока жара не спадёт, делать в лесу определенно нечего.

На небе ни облачка, солнце пекло нещадно. И кто бы мог думать, что прямо с чистого неба, вдруг грянет гром, и ударит самая настоящая молния. Но гром грянул и молния ударила. И огненным остриём угодила прямо в верхушку сосны.

Охотник вскочил, ошарашенный грохотом. Не понимая, что происходит, схватил бесполезный лук. И увидел, как сверху посыпались искры, осыпая и его, и всё вокруг огненным дождём. Он завертелся на месте, пытаясь сбросить с себя горящие щепки, отскочил в сторону, огляделся. И стал свидетелем восхитительного, но зловещего зрелища.

Попадая в болото, искры шипели и гасли. Одна из них не погасла. Болотный газ как раз вырвался из глубины пузырём – и горящая щепка воспламенила его. Выбухнуло так, что задрожала земля. Огненный шар вырос в размерах и, лопнув, исчез. Но перед тем как исчезнуть, успел подпалить прошлогоднюю сухую траву. Трава занялась. Раздуваемое неожиданно налетевшим ветром пламя метнулось вперёд, ища свежую пищу.

Начался первый в этом году лесной пожар.

Охотник бросился от огня в сторону, но, от спешки, ступил не туда и провалился по грудь в трясину. Ему повезло, в этом месте оказалось не слишком глубоко, его не утянуло с головой в болотную жижу. Однако и сил, и времени на то чтобы выбраться из ловушки пришлось потратить немало. Лишь через несколько часов, когда пламя уже вовсю полыхало в лесу, он сумел достигнуть тверди. Но спасаться от пожара бегством оказалось поздно – пламя полыхало повсюду. Гарь разъедала глаза, раскалённый воздух обжигал грудь, дышать стало тяжело.

Охотнику пришлось вернуться в болото, чтобы там переждать, пока стена пламени не уйдет дальше. Огонь не уходил долго. Может быть, целый день. Только ближе к вечеру человек увидел путь, по которому стало возможным покинуть гиблое место.

Он шагал по выжженной, хрустящей под ногами земле, над которой стелился сизый дым; натыкался на тушки опаленных и обугленных птиц, мелких животных, что не успели выбраться из нор и сбежать. Наконец он добрался до зелёной травы, с облегчением ступил на неё.

И… потерял под ногами опору. Вскрикнул, взмахнул руками и провалился в самое пекло. Полыхающий под землёй коренник тем и опасен, что скрыт от глаз лживой безопасностью живого покрова. Ничто уже не могло его спасти. Человек исчез в земном чреве, а из открывшейся бездны взметнулся ввысь столб огня.

Если бы кто-то живой случился поблизости, он услышал бы длинный протяжный вой, продирающий жутью до самого дна души. Вой мощными раскатами пронёсся по лесу, достигая самых глухих его уголков.

Но то выл уже не человек.

А за тысячу вёрст от этих мест, в далёком лесном краю, полыхнули разом в чародейских домах сторожевые свечи и лучины.

Мещера. Май 6860 года

Опасная свеча, должная загодя предупредить о надвигающейся великой беде, стояла ныне почти в каждом чародейском доме. Другое дело, что не много осталось таких домов. Давно минули времена, когда волхвы и чародеи жили среди людей повсеместно. Тогда о приближении опасности узнавали разом во всех городах и сёлах. Узнавали и поднимались. И встречали опасность во всеоружии, лицом к лицу.

Повывели теперь волхвов, отовсюду прогнали. И только глухая лесная Мещера оставалась последним оплотом их силы, последним пристанищем древнего знания. Только здесь могли ещё хранить и передавать его, не вырождаясь в мелких ведунов и знахарей.

И вот время настало. Полыхнули разом опасные свечи. Дрогнули морщины на лицах мудрых стариков. Хрустнули пальцами до белизны сжатые кулаки молодых волхвов. Великая беда пришла.

Горожане не сразу поняли, что стряслось. Но насторожились: отчего вдруг суета такая поднялась в чародейской слободке? И давай мелочи всякие подмечать.

Сперва Вармалей, покупая у Лисицы соль, заплатил, не торгуясь, чего никогда за ним не водилось. Невиданное дело! И цены на торгу тут же полезли вверх. Затем старая ведьма Кавана, по прозвищу Не-с-Той-Ноги, вдруг перестала пугать зелёными сполохами детишек, что из озорства и любопытства лазали к ней во двор. Лишь один единственный раз посмотрела на них пронзительно, даже как-то тоскливо, и навек охоту отбила баловать. А Сокол пропал на время, а потом объявился вновь. Затворился в своей хижине и носа не кажет.

Блукач затянул старую песню, прорицая непонятные и от того пугающие вещи. Он ведь и раньше подобное говорил, но только теперь, заподозрив неладное, люди стали к его бормотанью прислушиваться.

Два молодых волхва оседлали коней и умчались неизвестно куда. Мена, напротив, прискакала верхом из Елатьмы и поселилась у Сокола, так ни разу и не показавшись в городе. А раньше ведь какая общительная девушка была – всех приятелей обязательно навещала.

Подтянулись в Мещёрск из окрестных селений и менее известные чародеи. А когда подошли из леса совсем уж невиданные чёрные колдуны, той породы, что среди людей не живут, тут и самый тупой пропойца понял, что дело дрянь.

– Если такие страхолюдины пожаловали, от которых даже среди белого дня мурашки на спине немеют, то и впрямь беда пришла.

Чёрные колдуны, их двое было, вошли в город вместе. Пришли пешком по Муромской дороге. В руках суковатые палки, а за спинами – мешки. Длинные волосы, заросшие лица с рыхлыми носами, глубоко посаженые глаза вселяли во встречных страх и заставляли расступаться перед пришельцами. Одеты колдуны были в чёрное платье и такого же цвета плащи – оттого их, собственно, чёрными и прозвали. Но и помимо одежды, от самого их естества веяло чем-то мрачным, ночным, страшным. Колдуны, ни с кем в разговор не вступая, миновали город и направились прямиком к Бабенскому оврагу.

***

На речке Бабенке, у самого её слияния с Окой, в заросшем осокой овраге, имелось у чародеев своё потаённое место.

Когда-то, давным-давно, здесь на ручье стояла мельница. Хозяин её, Армас, жил со своей семьёй рядом. Жил зажиточно, как и многие мельники. Оттого и дом у него стоял богатый, и деньги водились. Но что-то нехорошее с Армасом приключилось – то ли сразу он сгинул, то ли сперва впал в безумие… Подробностей никто не знал, но говорили, будто дело не обошлось без нечистой силы. Она, известное дело, всегда подле мельниц крутится. Потом и семья Армаса пропала: жена, да два сына. С тех самых пор стало это место в народе проклятым считаться. По доброй воле никто сюда не хаживал. Горожане старались обходить Бабенский овраг стороной, но с Оки, сквозь деревья, видели люди покосившийся от ветхости дом, размытую паводками плотину да развалины самой мельницы. Мельничное колесо, которое скатилось по склону почти к самой реке, рассохлось и развалилось. Огромный жернов лежал выше, но каким образом он попал туда – неясно. Говорили, дескать, черти с тем жерновом играли, катали его, кидали друг другу. Только это ж, какие черти должны быть, чтобы такой тяжестью бросаться? Скорее всего, небылицы это.

По причине безлюдности, а вовсе не из-за колдовских свойств, как полагали горожане, и облюбовали старую мельницу чародеи. Но и сами они появлялись здесь редко. Только по таким вот особым несчастьям, какое случилось теперь.

В доме Армаса пахло сыростью и гнилью. Плахи на полу тоскливо скрипели под ногами, готовые вот-вот проломиться. В крыше зияла дыра, под ней натекла внушительная лужа. Но собравшихся на совет весь этот упадок нисколько не смущал.

Был поздний вечер. Дом освещала одна-единственная свеча. Прибывающие чародеи и колдуны рассаживались кто где. Вармалей забрался в самый сухой угол, да ещё и постелил под себя припасенную заранее охапку сена. Чёрный колдун, напротив, уселся в самую лужу под дырой. Его лесной собрат ходил по дому взад-вперёд, скрипя половицами.

Двое молодых волхвов прислонились спинами к завалившейся внутрь каменной печи. Одного из них звали Ушан. Проживающие в Мещёрске русские полагали, что прозвали так молодого волшебника за его смешно оттопыренные уши. Они действительно были оттопырены, но прозвали волхва всё же не за это, а за его не по годам мудрые речи, ибо «ушан» на лесном говоре и означает – мудрый.

Ушан с нарочитым спокойствием закрыл глаза, показывая, что всеобщая тревога волнует его мало и, по сути, сильно преувеличена. Его товарищ, именем Орх, не прикидывался невозмутимым – он сосредоточенно грыз ногти.

Мена с Соколом облюбовали лавку возле окна.

Пришли все, кроме Блукача. Впрочем, его мало кто из присутствующих считал чародеем, так что, можно сказать, собрались все. Нечасто такое случалось. Даже против Серой Орды выступили лишь четверо из них. А вместе последний раз собирались лет десять назад, когда живущий в Волчьих Мшарах ведун умом повредился. Тронуться – тронулся, но силы своей не потерял, а начал дурить почём зря. Деревню одну дотла сжёг, ручей отравил, волков пытался

на людей науськивать. С волками, впрочем, не вышло у него: не то это племя – чужих приказов слушаться, а так много чего учудил. По нынешней-то мерке – пустяковое дело вышло. Решили его быстро. Теперь совсем иной расклад, теперь не ведьмаческого разбора враг объявился. И потому чародеи и колдуны говорить не спешили.

Они смотрели друг на друга и молчали. Никто не хотел начинать разговор. Без слов ясно – враг идёт. Не орда какая-нибудь, не божьи дворяне, и уж тем более не соседи. О таких мелочах пусть у князей голова болит. Не на такую угрозу насторожены опасные свечи. Шёл враг иного рода, не человеческого. Неведомый враг. Такой, что мог вызвать страх даже у чародеев. Много сил они потратили в своё время, чтобы сплести сторожевое заклятье, способное предупредить об опасности загодя. Сплели, наложили, чтобы, когда возникнет нужда, принять меры. И вот время пришло, а они сидели и молчали, не зная, что теперь делать.

Первой нарушила тишину Не-с-Той-Ноги.

– Чего молчим? – прошамкала она беззубым ртом. – Решать всё равно нам. Больше некому.

– Чтобы решать, нужно знать, – возразил Вармалей. – А что мы знаем? Что некто или, вернее, нечто, надвигается на нас? Мы не ведаем, что это за сила, не знаем, кто вызвал или что вызвало её пробуждение, что выбросило её в наш мир. Случайность это или чей-то злой умысел, а если умысел, то каковы его цели? Мы не имеем ни малейшего понятия, откуда и куда идёт эта сила. И главное, какова её сущность. Короче говоря, мы совсем ничего не знаем, а без этого не сможем остановить зло.

Вармалей и старая ведьма считался давними соперниками в спорах. О чём бы ни шла речь, хотя бы даже о жабьей присушке, один всегда говорил поперёк другому. Их вечные споры, да незлые взаимные козни в прежние времена, бывало, до слёз смешили знакомых. Но теперь даже краешком рта никто не улыбнулся.

– А это и правда зло? – спросил Шамбал, тот колдун, что в луже сидел. – Нас, лесных колдунов, знаете ли, тоже к злу относят. И не только невежественные селяне, но и кое-кто из вас.

– Мы насторожили опасные свечи и лучины не на мелкие неприятности, – заметила Не-с-Той-Ноги. – Должна нарушиться одна из основ мироздания, чтобы вызвать такое потрясение…

– Бог на земле? – спросил Ушан от печки. – Христиане что-то прорицали о втором пришествии ихнего бога, но, вроде бы, они болтают о семитысячном годе.

– Их бога я бы почувствовал сразу… – заметил Шамбал с изрядной долей злобы.

– Блукач что-то насчёт ворона говорил, – сказал Орх, второй из молодых волхвов. – Дескать, вериги упали, ворон грядёт, и всё такое…

– Тоже ещё провидца нашли, – проворчал Шамбал. – Диво юродивое. Его послушать, так только лечь и помереть останется.

С ним согласился его чёрный собрат, Барцай, который с началом разговора прекратил ходить из угла в угол и прислонился спиной к стене. Тем не менее, остальные решили не отвергать ни единой зацепки. Речи Блукача попытались дословно припомнить и обсудить, но только больше запутались в них.

Высказалось ещё несколько чародеев и все с вопросами, не с ответами. Затем в комнате вновь нависла тишина.

– Я знаю, куда он идёт, – вдруг сказала Мена.

Все посмотрели на неё с ожиданием и надеждой. Мена славилась способностью к дальновидению, в коей превосходила любого из них. Самая молодая на совете, она имела среди чародеев немалый вес и никогда не говорила попусту.

– На Псков он идёт, – произнесла Мена. – Из Полоцка. Видение мне было. Но на Псков – это лишь поначалу. Оттуда, думаю, дальше двинет. Куда, не знаю, но… никто в стороне не останется.

– На Псков? – удивился молодой волхв. – И кто же это?

– Не знаю, – пожала плечами Мена. – Его сущность сокрыта от меня. И думаю, никто из нас не сможет её распознать. Разве что Сокол.

Девушка повернулась к сидящему рядом чародею. Вместе с ней к нему повернулись и все остальные. Но Сокол отрицательно помотал головой, не сказав ни слова.

– Стало быть, надо пойти в Псков и разобраться на месте, – прошамкала Не-с-Той-Ноги.

– Эка, сказала… – возразил тут же Вармалей. – На костёр захотелось на старости лет? Давно ли нашего брата в реках топили, словно ублюдков беспородных? Ехать надо, спору нет. Да только не чародеям…

– Разве нанять кого… – предложила Мена.

– Кто ж согласится? – подала голос Не-с-Той-Ноги. – Да и не поймёт наёмник ничего. Там чутьё чародейское надобно и голова…

– Вот-вот, – влез Вармалей. – Её, голову-то, на кол и насадят…

– Конец всем пришёл, – вздохнул старый колдун из Тумы. – Повыгоняли нас отовсюду, теперь пропадут без защиты. Попам с бедой не совладать. Только и умеют что крестами размахивать.

И опять повисло молчание. Каждый думал про себя и решал – может ли он в Псков отправиться. Каждый себя по-настоящему оценивал, не о храбрости показушной речь шла – о деле. И каждый, взвесив все за и против, приходил к выводу, что такое дело ему не потянуть.

– Я поеду, – тихо сказал Сокол.

***

Как правило, имя человека и тем более чародея влияет на его сущность. Бывает и наоборот, но то – прозвища, что дают людям не с рождения.

Сокол в этом правиле был исключением. Мало у него общего с грозной хищной птицей.

Птица-сокол всегда бьёт с лёта. Тем и от других ловчих птиц отличается. Сокол-чародей с лёта не бьёт, к любому делу долго готовится, взвешивает, действует не спеша. Даёт сперва попробовать другим. И лишь там, где никто не может добиться успеха, в дело вступает сам. Да и хищником Сокол не был по природе своей. Не испытывал никакой сладости от убийства.

И другое отличие имелось – сокола легко приручить, лучшей охотничьей птицы трудно сыскать. А чародей никогда никому не служил. Помогать помогал, а служить – ни за что. Хоть царям, хоть богам. Природа, нутро его, не позволяли.

Вот и летать, подобно соколу, чародей не умел. Не умел птицей обернуться. Это ведь только от рождения таким навыком обладать можно, только по недосмотру богов да по воле случая. А научиться оборотничеству, не потеряв свою сущность, невозможно. И просто так летать, не оборачиваясь, люди пока не научились.

Соколу часто не доставало возможности промчаться птицей за день туда, куда нужно идти по дорогам месяц. И теперь, несмотря на своё могущество, он напряжённо думал, каким образом ловчее пересечь почитай всю Русь из угла в угол.

Собственно, выбор невелик. Можно отправиться пешком или на лошади, можно избрать водный путь. Последний, впрочем, чародей отверг сразу. Водный путь извилист и лежит большей частью так, что пришлось бы идти против течения. Набирать же целый отряд гребцов в замыслы Сокола не входило. Он намеревался отправиться в Псков один.

Казалось бы, очевидный выбор между конным и пешим походом, вызвал у чародея гораздо больше затруднений. Оно, конечно, верхом можно делать переход впятеро против пешего. Но это только на первый взгляд. Дороги, как и реки не идут напрямую. Крюк там, изгиб здесь, вот и нет преимущества. А лесной тропой, каких он знал множество, лошадь не провести.

Всю ночь не мог заснуть чародей. И так, и эдак прикидывал, но решение не пришло.

***

Рано утром, услышав под окнами стук копыт, Сокол вышел встречать гостей – кроме как к нему, занимающему крайний дом, ехать здесь некуда. Увидев в дверях лесную владычицу, он вдруг сообразил, что за суматохой последних дней совсем позабыл об Эрвеле. А ведь они договаривались о подобной возможности, даже голубями особыми обменялись.

Но, судя по неожиданному её появлению в чародейской слободке, овды и сами проведали обо всём.

Оглядев убогое жилище чародея, Эрвела присела где почище и вздохнула.

– Вчера совет собирался в Бабенском овраге… – начал Сокол, но гостья остановила его, подняв ладонь.

– Всё знаю, чародей, – сказала овда. – На совет ваш не попала, поскольку у нас свой собирался. Но обо всём, что вы там обсуждали, мне донесли. Мы тоже поговорили немного – сёстры со многих городов съехались. Утомлять подробным рассказом не стану, скажу лишь, что решили мы оказать вам посильную помощь. То зло, которое в мир пришло, не одним только людям грозит…

Пёс, соскочив с лавки, ткнулся носом в ногу владычицы. Та ласково потрепала животное и спросила:

– Ты уже решил, как поедешь?

Сокол отрицательно помотал головой.

– Не на чем ехать. Разве только ты мне одолжишь какую-нибудь ступу с помелом.

– Помела у меня нет, – улыбнулась овда. – Но перед домом стоит конь, который ничуть не хуже.

– Ты готова отдать мне своего коня? – удивился чародей небывалой щедрости, тем более исходящей от лесной царицы.

– Не отдать – одолжить, – поправила Эрвела. – И не забывай, что это не мой конь, он свой собственный. Мы не держим лошадей в рабстве, подобно людям…

– Знаю, знаю, знаю, – поспешил согласиться Сокол, подняв руки вверх. – Лошади ваши друзья. Вы без ума друг от друга…

Сделав вид, что не заметила насмешки, Эрвела продолжила:

– Я поговорила с конём. Он согласился отвезти тебя куда нужно. Неохотно такие лошади людям служат, но тут дело особое.

Она пристально взглянула в глаза чародею и сказала с тревогой в голосе:

– Отправляйся Сокол, отправляйся без промедления. Тебе нужно успеть до полной луны, иначе окажется поздно. Узнай кто Он. Только узнай. Не пытайся вступить в борьбу – тебе одному Его не осилить. Узнай – и возвращайся.

– Я могу не успеть до полной луны, – нахмурился Сокол.

– Успеешь. Это особый конь. Летит, словно ветер, и никогда не устаёт. Малые реки и ручьи для него не помеха – он преодолеет их одним скоком. Большие реки переплывёт. Им не надо управлять – он сам поймёт, куда тебе нужно. Но береги его, не передавай ни в чьи руки, даже на время, даже самому доброму человеку. И ещё, пообещай отпустить его перед тем, как встретишь опасность. Это дитя степи и ветра, он не создан для битвы. Отпусти – и он сам найдёт дорогу домой. А ты сможешь вернуться и на обычном коне.

Сокол быстро собрался, но, уже выходя из дома, вспомнил о змеевике, который достался ему от Вихря.

– Собирался спросить тебя, да из-за суеты этой позабыл. Не можешь ли сказать что-то об этой вещице?

Он протянул владычице змеевик. Та повертела его, внимательно рассмотрела рисунок и попросила:

– Расскажи, как он попал к тебе.

Сокол коротко рассказал.

– Да, я слышала об этом, – кивнула головой владычица. – Правда, не догадалась, что Вихря именно ты упокаивал. Но и тебе неведомо, что потом произошло. Племянницу его, Елену, обвинили в ведьмачестве и хотели сжечь в срубе. Ей едва удалось сбежать.

Чего-то подобного чародей от селян вполне ожидал, потому нисколько не удивился, пожав плечами. Овда, заметив, усмехнулась.

– Но дело не в этом. Странно другое – мы не знаем, что с ней случилось дальше. Она укрылась от наших взоров.

– Хм.

– Обычный амулет, – вернулась Эрвела к змеевику. – Обычные знаки – луна и солнце. Ничего определенного о его происхождении или свойствах я сказать не могу. Одно скажу тебе, чародей. С очень тёмными силами связан этот предмет. Опасайся его истинного хозяина.

– С тёмными? – переспросил Сокол. – С какими именно?

– Не знаю, – пожала плечами владычица. – Может быть с Чернобогом, а может ещё с кем подобным.

– Ты веришь в существование Чернобога? – удивился чародей. – Но это же миф, сказка…

Овда улыбнулась в ответ.

– Существует всё, во что верит хоть кто-нибудь, – сказала она. – И перестаёт существовать, когда иссякает вера. Ты можешь верить или не верить – это ничего не меняет. Но было бы глупо с твоей стороны не учитывать возможность существования сил, о которых тебе ничего не известно. Глупо и опасно.

Эрвела помолчала, а потом сказала:

– Не хотелось бы мне, чтобы с нынешней бедой твой змеевик оказался связан. Ты Мене его показывал?

Чародей кивнул.

– Где она?

– На мельнице осталась. Провожать не захотела, сказала, мол, только беспокойство прощанием будоражить. Придёт, думаю к вечеру, – Сокол ухмыльнулся. – Когда след мой простынет.

Когда они вышли на улицу, Сокол внимательнее разглядел коня. Это оказался тот самый игреневый конь, на котором Эрвела появилась когда-то в пограничье перед их небольшим поисковым отрядом.

Он был прекрасен. Тёмно-коричневой шерсти, с дивным сиреневым отливом, с белоснежной роскошной гривой и таким же хвостом. Его длинные тонкие ноги производили впечатление сильных и быстрых. Но действительных возможностей этой породы не знал никто. Таких коней Соколу не доводилось видеть уже давно. Овды, считая лошадей друзьями, никогда не продавали и не дарили их людям. Даже в конюшнях князей, царей и императоров таких животных встретишь нечасто.

– Как его зовут? – спросил восхищённый чародей.

– Как назовёшь… – пожала Эрвела плечами. – Ему всё равно, как его называют люди.

– Пусть будет Игрец, – предложил Сокол. – Существует предание, что масть эта родилась от сказочного бога Игреца, и что никому из смертных не удавалось вывести её нарочно. Только по воле случая рождаются такие лошади.

***

Игрец давно унёс чародея, а Эрвела всё стояла на гребне холма, наблюдая за мерным течением Оки. Не столько наблюдала, сколько думала. О Соколе, о змеевике его странном, о вселенской напасти, что вот-вот обрушится на далёкий неизвестный ей город. Потом вдруг что-то поняв, вздрогнула. Оглянулась, разыскивая по привычке коня. Но не было его, отдала чародею, а другого не позаботилась прихватить. Вздохнула и отправилась к Бабенскому оврагу пешком.

Домик Армаса кое-как прибрали, но жильё он всё равно напоминал мало. Колдуны частью разошлись, частью спали, разобрав сухие углы, а Мена вполголоса беседовала с Ушаном. Судя по усталым глазам, оба всю ночь не спали. Проговорив в поисках верного средства против напасти, даже не заметили, как рассвет наступил.

Эрвела, поприветствовав Ушана, отозвала ведунью в сторонку.

– Сокол уехал, – сообщила она.

Мена кивнула.

– Я тут подумала… – владычица замялась. – Ты амулет его видела?

– Вихрев? – не сразу сообразила девушка. – Да, показывал как-то. В Елатьму ко мне приезжал ради этого.

– Ничего тебе в нём странным не показалось?

– Непростой змеевик, – согласилась ведунья. Но пояснять не стала. Не любила она намёками общаться.

– Боюсь, не связан ли он с напастью нынешней, – наконец, поделилась Эрвела тревогой. – Скажи, вот тебе видение было про Псков. А та тварь, что объявилась, она к амулету не тянулась случаем? Нет ли меж ними родства или связи какой?

– К змеевику не тянулась, это точно, но какое-то сходство, пожалуй, есть, – Мена нахмурилась. – Наверняка не скажу. Мало мне удалось подсмотреть. Закрылось то, что в мир пришло, а может, не осознало ещё цели.

Мена задумалась.

– Вихрь, я знаю, Чернобогу служил. Однако не почуяла я ничего похожего. Да и не отозвался мне змеевик. Блеснуло что-то смутное, но что именно – не понять.

Эрвела нахмурилась. Видимо, она ожидала от разговора большего.

– Вот что, – сказала овда. – Если нетрудно, попробуй разыскать Елену, племянницу вихреву. Селяне с попом во главе прогнали её. Да так, что ни я, ни сёстры взять след не можем. Соколу я пыталась намекнуть. Но у него голова другим занята, а больше одной мысли за раз он думать не умеет.

Мена улыбнулась. Точно подметила владычица, не возразишь, – водится за чародеем такое. Она и не стала возражать, согласилась поискать женщину, но не прямо сейчас.

– Пока тут никак к согласию не придём, всё на месте топчемся.

Она махнула с досадой рукой, и Эрвела понимающе кивнула.

– Раз Сокол уехал, пойду, стало быть, отосплюсь, – решила ведунья. – Здесь-то не больно поспишь.

Нижний Новгород. Те же дни

Константин налаживал союз с той же тщательностью, с какой скорняк сшивает шубу из множества мелких шкурок. Хотя – шубу ли? Лучше сказать удавку на толстой шее московской.

Недели не проходило, чтобы из Нижнего не отправлялось очередное посольство. Не реже объявлялись и посланцы союзников. По большому счёту, кроме лесных княжеств и Рязани, все прочие сторонники, уже давно обговорив главное, обсуждали лишь тонкости. Но, как и всякая добрая шуба, союз не из одних только шкурок состоял. Важны были крепкие нити. И тут в ход шло и серебро, и торговые послабления, и уступки в верованиях – ведь Литва ввела у себя особую разновидность православия, а многие земли и вовсе пребывали в язычестве. Тут следовало действовать осторожно, не давая воли непримиримым людям, вроде Печерского настоятеля Дионисия. Слишком высока ставка.

Помимо прочего, с начала года поднялась небывалая свадебная суета. Брак – не последнее средство в политике: родственные ниточки крепят союз не хуже серебра.

Ещё Волга не унесла навстречу солнцу последние льдины, когда пожаловал в Нижний Новгород Семён Судаков, посланец новгородских властей. Вопреки обыкновению ни воевод, ни бояр, Константин на встречу с ним не позвал, пригласил только младшего сына. Это поначалу озадачило Бориса, но первые же слова посланца всё прояснили. Дело оказалось семейным, и в отсутствие старших братьев, его предстояло решить им с отцом. Судаков приехал по просьбе архиепископа Василия Калики, от имени коего сватал Константинову дочь Евдокию за тверского князя Михаила.

«Вот и у сестры детство кончилось» – подумал Борис.

Дело долго улаживать не пришлось. Сватом сам Калика выступил, хотя бы и через Судакова, а жених, пусть и не на Твери ещё сидит, но парень бойкий, ждать долго не будет.

А ближе к лету, когда посольство из Тракая вернулось, старый князь вновь призвал сына.

– Пора бы и тебе, Борис, о женитьбе подумать… – начал Константин без лишних предисловий. – Ты уже не малец. В делах государственных толк имеешь, они тебе, вижу, по нраву. Так что – готовься. Князь Ольгерд согласился отдать за тебя свою дочь.

Про «подумать» это отец образно выразился. Думать особенно не о чем. Всё давно решено и без княжича. Да и не удивился Борис обороту такому. Все старшие братья давно оженились, у Дмитрия свои дети уже подрастают, а сестра только недавно просватана. Стало быть, пришёл и его черёд.

Дав малозначащее согласие, Борис, тем не менее, не удержался от любопытства и пожелал тут же выведать хоть что-нибудь о будущей своей невесте. О дочери Ольгерда, Марии, он до сих пор даже не слышал, и это ужасно дразнило молодого человека. Он принялся выпытывать подробности у заезжих литовских посланцев, купцов, причём делал это с таким простодушием, что скоро весь город, от мала до велика, знал – предстоит свадьба.

Город-то знал, а вот Борис ничуть не приблизился к цели. Купцы молодую княжну в глаза не видели, а послы единодушно расписывали красоту её необыкновенную. Но ведь им, послам, другое говорить и не престало.

Задумался княжич.

Отправился к Константину.

– Дозволь, отец, в Суздаль съездить. Хочу с владыкой встретиться, поговорить, душу облегчить.

– Что ж, съезди, – одобрил старый князь. – Возьми только Ваську своего да Тимофея с парнями. Дорога хоть и знакомая, но есть люди, которым твоя свадьба что кость в горле. Посему будь осторожен.

Окрестности Порхова. Три дня спустя

Быстрый конь – это ещё полдела. К нему хорошо бы иметь толстый и упругий зад. Чародей выдохся в первый же день пути, а коню хоть бы что, он даже не пропотел нисколько. Ещё

два дня Сокол терпел, а потом не выдержал и, чтобы совсем не рассыпаться в труху, пустил Игреца обычным ходом. Кроме желания упасти зад от избиения, ему захотелось поразмыслить.

Это удалось не вдруг – в голове ещё долго шумело от пережитой тряски. А когда шум утих, за спиной раздался знакомый голос, едва слышимый в свисте ветра и топоте копыт.

– Чародей!

Сокол обернулся и увидел суздальского княжича, пытающегося догнать Игреца на своём великолепном, но совершенно обычном скакуне. Борис ехал один, без воинов, без бояр, которым, по всем правилам, следовало бы сопровождать юного князя, тем более – так далеко от дома. Но казалось, что тот вовсе и не беспокоится отсутствием опеки, напротив, лицо его светилось радостью и лихим весельем.

Сокол ещё самую малость придержал Игреца, позволив княжеской лошади поравняться с ним.

– Здравствуй чародей, куда путь держишь? – задыхаясь от бешеной скачки, спросил Борис. – Ну и конь у тебя…

– Здравствуй князь, – сказал Сокол. – Ты чего это один?

– Да сбежал я от них, – успокоив дыхание, поведал Борис. – Отец женить меня задумал. На литовской княжне, Марии, дочке Ольгерда. Ну, мне и захотелось взглянуть на невесту до свадьбы. Увидеть, какая она собой. Красива или, быть может, уродина…

Сокол не удержался от улыбки.

– А если уродина, то что? Против отца пойдёшь?

– Нет, не пойду, конечно. Но взглянуть страсть как охота. Так бы меня не отпустили, вот я и сбежал от Румянца с Тимофеем, обманул их. Они в Суздале остались, а я – сюда.

– Сумасшедший, – проворчал Сокол.

– А ты куда всё-таки? – переспросил Борис.

– Пока в Псков, а там видно будет, – ответил чародей.

– Так нам по пути, значит? – обрадовался юноша.

Ну что тут скажешь?

– Получается, по пути… – буркнул чародей.

– Славно, – сказал Борис. – А то мне уж и не по себе стало, одному-то. С попутчиком и дорога короче.

– Это – смотря с каким попутчиком, – возразил Сокол. – Я ведь не на прогулку в Псков еду. Там такое творится, что и не знаю, сможешь ли ты до невесты своей добраться. Думаю, тебе лучше кружным путём отправиться. А то и вовсе домой вернуться…

– Ух, ты! – восхищённо сказал Борис. – Неужто с крестоносцами опять свара какая?

– Стал бы я на дурную войну ехать… – хмыкнул чародей.

– А что тогда?

– Сам толком не знаю, – признался Сокол. – Но что-то серьёзное. То ли тварь безумная в наш мир вылезла, то ли бог мятежный пожаловал, а может, другая какая напасть. Узнать надо, вот я и еду…

– Так тебе, наверное, помощь, какая понадобится? – охотно предложил княжич.

– Спасибо, но не думаю, что в твоих силах мне в этом помочь…

– Кто знает… – улыбнулся Борис. – По крайней мере, провожу тебя до Пскова, а там и до Тракая недалеко.

– Воля твоя, княжич, – серьёзно произнёс Сокол. – Воля твоя…

Равняясь на лошадь Бориса, они, как показалось чародею, плелись теперь еле-еле. Но опоздать он больше не боялся – дорога подходила к концу.

***

Завидев стены Порхова, Сокол остановился. Снял седельную сумку и, к великому удивлению Бориса, отпустил Игреца, который тут же, не мешкая, скрылся в лесу.

– Зачем ты спешился? – спросил княжич. – Зачем отослал коня? Да какого! Признаться, мне ещё не встречалось столь прекрасное животное. Или он у тебя учёный и вернётся по первому зову?

– Это не мой конь, – ответил Сокол, перекладывая сумку на лошадь Бориса. – И он не вернётся. Я обещал отпустить его до того, как столкнусь с опасностью. И, думаю, время пришло.

– Ух ты, значит в Порхове нас ждёт опасность? – взбодрился Борис.

– В Порхове? – переспросил Сокол. – Полагаю, что нет. Но сразу за ним – вполне возможно.

В городе Сокол решил остановиться на целый день. Ему требовалось время, чтобы подумать и отдохнуть перед последним переходом. Поэтому, миновав ворота, они, по совету стражника, отправились в ближайший постоялый двор.

Он оказался огромным, как княжеские палаты. Несколько высоких домов выходили на общий двор, где скопились десятки повозок и груды всевозможной клади. Проезжего народу из разных мест собралось сущее вавилонское столпотворение. Отовсюду слышались иноземные языки, не всегда понятные говоры. Люди громко спорили между собой, кричали на слуг. Слуги суетились, бегали из дома в дом, таскали еду, бочки, мешки. На летней поварне, устроенной прямо во дворе, кипели большие котлы, а на вертеле жарилась кабанья туша. Запах еды перемежался с вонью стоящего рядом отхожего места.

Борис недовольно поморщился и сказал:

– Шумно здесь что-то.

Два немца стояли утёсами среди этого безумия, спокойно наблюдая за перевалкой груза с повозки в амбар. Сокол подошёл и спросил что-то на их языке. Немцы встрепенулись, принялись наперебой отвечать чародею, показывая то на один из гостиных домов, то куда-то в сторону города.

– Что они тебе сказали? – полюбопытствовал Борис, как только Сокол вернулся.

– Я узнал, как найти хозяина и где купить лошадь, – ответил тот.

Хозяин, заросший волосами мужичок по имени Лукич, буквально вертелся на пупе, стараясь угодить постояльцам и одновременно проследить за всеми своими слугами. Это ему вполне удавалось, и он намётанным глазом сразу приметил новых гостей.

– Что угодно, уважаемые? – добродушно улыбнулся он.

– Комнату, – коротко ответил Сокол.

– И подальше от шума, – добавил Борис.

– У вас повозка? – спросил хозяин. – Лошади? Слуги?

– Только лошадь, – ответил Сокол. – К вечеру, возможно, ещё одна прибавится…

– Отлично! – воскликнул хозяин с таким видом, будто лишней подводы его двор уже не осилил бы. – Пойдёмте, я покажу вам свободные комнаты.

Таковых оказалось немного. А цену за них Лукич запросил немалую. Но Сокол с Борисом, выбрав опрятную комнатку подальше от двора, не торговались. Сверх того заказали обед и сразу за всё заплатили. Может быть, зря – получив плату вперёд, хозяин как-то сразу поостыл к дорогим гостям, наскоро раскланялся и умчался по делам.

– Вот пройдоха! – только и сказал Борис.

***

После обеда Сокол сходил в город и, вернувшись, поставил в стойло нового коня. Конь оказался не из лучших, но чародею не много оставалось путешествовать. Что до обратного пути, то о нём он пока не думал.

Вечером шумный двор и вовсе встал на уши – в Порхов прибыл большой отряд новгородских вельмож. Господа попались требовательные и подтверждали свою власть мощным криком и тычками, раздаваемыми недостаточно расторопным слугам. Перепало и хозяину. Шум долетал до самых дальних комнат, и, когда слуга принёс ужин, чародей спросил, кто, мол, там такой важный прибыл.

– Поезд новгородского архиепископа Василия, – доложил слуга. – С ним десяток воинов, монахи, священники и скоморох.

– Неужели!? – удивился Сокол. – Сам Калика пожаловал? И где же он остановился?

– Они заняли целиком два дома, что по левую руку от вашего, – ответил слуга, расставляя по столу блюда. – Но беспокоить не велели. И к владыке никого не подпускают.

– Что, охраняют архиепископа? – спросил Сокол.

– Не то слово, – охотно поддержал разговор слуга. – Воины на входе стоят, все в железе, что твои витязи. На нашего брата рычат, а прочих любопытных и вовсе в шею гонят.

– Ну, это мы ещё посмотрим, – возразил чародей, набрасывая на себя плащ.

Княжич встрепенулся.

– Ужинай без меня, – сказал ему Сокол. – Пойду, навещу старого друга.

Борис недовольно фыркнул, но ничего не сказал. Когда Сокол вышел, он пожевал немного мяса с овощами и, не раздеваясь, улёгся на кровать. Спать ещё не хотелось. Раскрыв прихваченную у брата книгу, он углубился в чтение.

Однако очень скоро чародей вернулся. Да не один. Вместе с ним в комнату вошёл старик в богатой ризе, белом клобуке и с тяжёлым крестом на груди. Зачем священник нацепил на себя праздничные одеяния, а не что-нибудь обыденное, Борис так и не понял, но спрашивать, понятно, не стал.

– Знакомьтесь, – представил Сокол своих приятелей. – Это архиепископ новгородский Василий Калика, это суздальский княжич Борис Константинович.

Борис, смутившись, вскочил с кровати и поклонился священнику. Тот, в свою очередь, осенил юношу крестом и, не говоря лишнего слова, уселся на высокий стул. Откуда, со странным увлечением, принялся рассматривать выложенные на столе яства.

– Как они все надоели, – произнёс Калика, первым делом наливая себе вина. – Спасения нет никакого. Сплошь лизоблюды и лицемеры.

Одним махом опрокинув кружку, священник довольно крякнул. Сокол улыбнулся.

– Чего стоите? – сказал Калика. – Усаживайтесь. Хоть с путными людьми поговорю.

Они присоединились к архиепископу, тоже выпили. Калика посчитал на пальцах, который теперь день и, удовлетворившись подсчётами, решительно потянулся к мясу.

– Здравствует ли сестра твоя, Евдокия? – дожёвывая кусок, спросил он у Бориса.

– Спасибо, здорова, – удивился вопросу княжич.

– Это хорошо, что здорова, – кивнул Калика. – Здоровая и потребна. Я её за князя Михаила, воспитанника моего, сосватал…

Калика глотнул вина.

– Что Константин Васильевич на этот счёт говорит?

«Хитрый какой старичок, – подумал Борис. – Не успели выпить, а он уже про отца выпытывает».

– Князь передал своё согласие с Судаковым, послом вашим, – ответил он осторожно.

– Да это я знаю, – махнул рукой Калика. – Виделся с ним. А что Константин думает, доволен ли браком?

– Доволен, – ответил Борис. – Сказал, что Михаил, хоть и юн, но умён и скоро на Тверь сядет.

– Это правильно, – выпив ещё вина, одобрительно кивнул Калика. – Сядет.

Отрезав особенно крупный кусок, священник ненадолго замолчал, предавшись еде.

– Так, стало быть, ты тоже в Псков направляешься? – прожевав, обратился он к Соколу.

– Стало быть, так, – ответил чародей, который почти ничего не ел.

– По какому делу? – спросил священник с напускным равнодушием.

– Думаю, по тому же, что и ты, – Сокол усмехнулся.

– Ага! Значит, знаешь?! – воскликнул Калика.

– Знаю, – ответил тот. – Ты не темни, скажи, что тебе самому удалось прознать про всё это? А то ведь у меня одни догадки.

– Ну, твои догадки иных разгадок стоят, – ухмыльнулся священник и, утёрши ладонью рот, начал рассказ.

Они проговорили недолго. Выяснилось, что Калика понимал немногим больше чародея – кто идёт на Псков, какова его природа и сила, Василий не знал. Поделиться с товарищем он смог только тем, что донесли до него псковские ходоки.

– Прислали псковичи великое посольство. Попросили защиты от неведомого врага. Самого врага в глаза пока ещё никто не видел. Но над Псковом, якобы, сгустилась тёмная туча, а улицы заволокло смрадным туманом. Говорят, что ночью по городу гуляет нечисть, сея язвы и мор. Кроме того, говорят, знамение странное явилось в небе, ещё до тучи. После него многие, мол, сбежали. Другие вот отправили посольство…

Сокол слушал внимательно, стараясь не упустить ни слова. Борис и вовсе дыхание затаил – надо же как дело оборачивается.

– Больше ничего не знаю, – закончил Калика. – Завтра после обеда дальше поедем. Ты как, колдун? Может вместе? А то мочи никакой нет от этих лизоблюдов.

– Можно и вместе. Подумаю до утра, с княжичем вон переговорю, – ответил Сокол и спросил. – А свита твоя не заест? Когда искал тебя, этот твой Микифор одарил таким взглядом, что я почувствовал, будто уже на костре поджариваюсь.

– Да уж, – согласился Калика. – Они и меня заели до самых печёнок. Что ж, завтра посмотрим. Быть может, образуется всё…

Как только священник ушёл, Борис набросился на чародея с расспросами.

– А правду говорят, будто этот клобук Калике от самого Папы Римского достался?

– Нет, – усмехнулся Сокол. – Вместо Папы Римского – так будет вернее. От императора, василевса царьградского, получил он этот убор головной. И, полагаю, не просто регалию получил. Со смыслом подарок был сделан. Рассчитывал император бросить семечко истинной веры туда, где не помешают ему взрасти враги и еретики. Рассчитывал со временем новую столицу обрести. Старая-то вот-вот падёт. Не от сабель султанских, так от золота латинского. А на севере увиделось ему убежище истинной веры.

– Так что, выходит, Калика – Римский Папа?

– Новгородский, – усмехнулся Сокол, но добавил серьёзно: – И то сказать, чем Авиньон-то лучше?

***

Калика как в воду глядел. Утром, пока он ещё спал, большая часть сопровождающих священника людей исчезла со двора.

Сокол заподозрил неладное уже на подходе к комнате архиепископа, когда не обнаружил обычных охранников. Поднимаясь по лестнице, он услышал мощный рёв Калики.

– Уроды! – раздавалось наверху. – Коты блудливые! Сбежали! Струхнули, изменники, стервы!

Сокол открыл дверь и, шагнув, тут же с хрустом раздавил ногой черепок. Он огляделся. Весь пол был усыпан битой утварью. Калика стоял посреди комнаты в подряснике и с криком швырял о стены всё, что попадало ему под руку. Глина крошилась, с шорохом рассыпаясь по полу. Серебро звенело и бренчало, помятые кубки и блюда разлетались от стен во все стороны.

Помимо самого Василия в комнате находилось ещё два человека. В углу съёжился от страха, прикрыв голову руками, маленький толстый псковский монашек. Ему ещё не доводилось видеть Калику в гневе, отчего выглядел он не на шутку перепуганным. Худой долговязый владычный скоморох, напротив, восседал в кресле, взирая с улыбкой на буйство хозяина. В его глазах играли бесята и, похоже, он полностью одобрял действия архиепископа.

– Кишки мерзавцам выпущу! – продолжал Калика. – Микифор, собака, тоже сбежал.

– Исполать тебе, Григорий, – спокойно поздоровался Сокол, намеренно назвав Калику старым мирским именем.

Тот на мгновение затих, уставился на чародея ничего не соображающим взглядом. Сокол же поднял с пола кубок, кое-как выправил и, обнаружив стоящий вне досягаемости священника кувшин, налил себе вина.

– Бросили владыку! – несколько тише, без прежнего задора, крикнул Калика. – Сбежали, иудины дети!

Он хрястнул о стену последнюю плошку и уселся на стул.

– Зачем кричишь-то? – спросил, глотнув вина, чародей. – Сам же намедни жаловался, дескать, достали они тебя до самых печёнок. Вот и радуйся, что сбежали.

– Ты чего пришёл? – мрачно спросил Калика, немного отдышавшись.

– Да вот подумал над твоим вчерашним предложением, что надо бы нам вместе в Псков отправиться, – ответил Сокол. – Ну и решился. Дело-то серьёзное. Тем более, как я вижу, свиты у тебя изрядно поубавилось. Что, совсем никого из охраны не осталось?

– А! – махнул Василий рукой. – Двое разбойников остались. Они не из микифоровского отряда, при мне служат. Вот и не ушли вместе со всеми. Да эти ещё вот двое, – Калика кивнул головой на скомороха с монахом. – Ну какие из них, к бесу, охранники?

***

К полудню они уже выбрались на непривычно пустующую псковскую дорогу.

Во главе маленького отряда ехала повозка архиепископа, запряженная двумя резвыми низкорослыми лошадками. Укрывшись серым шерстяным плащом под небольшим навесом возлежал Калика. Лошадьми правил монашек, единственный в отряде псковитянин. Возле него сидел скоморох.

Два молодых красивых воина сопровождали повозку верхом. Посмотреть со стороны – не иначе два верных сына следуют со своим старым отцом. На самом же деле Митрий и Прохор попали к священнику не по доброй воле. Ещё совсем недавно они повольничали – грабили города и сёла, торговали между грабежами, торговали по-честному, без обмана. А затем вновь грабили. Но попались-таки. От посадского суда их спас Василий – себе на службу определил для исправления. Лет на пять.

Позади этой, значительно поредевшей за минувшую ночь, свиты, ехали, беседуя, Сокол и Борис. Юноша, обнаружил в чародее целую бездну знаний и всю дорогу засыпал его вопросами.

– Эх, владыка, хлебнем в Пскове лиха. Сперва прогнали, потом прозрели, раскаялись, позвали, в ноги упали… – принялся дурачиться Скоморох.

Монашек покосился на него, но ничего не сказал. А что тут скажешь. Виноваты псковичи перед архиепископом. Действительно – прогнали его лет десять назад. А теперь знамения страх нагнали, туман пошёл мор сеять. Одумались. Снарядили посольство великое – бояр, священников, молодших, его вот, монаха, взяли. Василий старой обиды не забыл, никого не принял: ни бояр, ни священников. Только ему, монаху презренному, дозволил дело изложить. Только его одного и взял с собой.

После полудня отряд остановился, увидев знамение. Небольшое белое облачко закрыло на миг солнце, а когда светило вынырнуло, оно оказалось не одно. На чистом голубом небе явилось разом пять солнц, и вокруг них ярко пылало огненное кольцо.

Монах, непрерывно крестясь, принялся бормотать молитвы. Все остальные (кроме Сокола) перекрестились лишь раз и, прикрыв руками глаза, рассматривали чудо.

А ближе к вечеру они увидели тучу. Она висела над землёй без движения. Со стороны Порхова виднелся один её край, другого же видно не было. Где-то там под тучей стоял Псков. И Сокол понял, что, наконец, достиг своей цели.

Глава третья
Канун

Мещера. Июнь 6860 года

Нескоро руки до поисков Елены дошли. Колдуны всё никак договориться не могли, спорили день и ночь, издёргались, переругались. Мена тоже сама не своя ходила. Наконец, плюнув на несговорчивых собратьев, решила вплотную заняться племянницей Вихря.

Тут выяснилось, что судьба Елены не одну только владычицу заботит. Не успела Мена с мыслями собраться, как в дом Сокола постучали.

Молодой парень спросил чародея, а, узнав, что тот по делам уехал, сильно расстроился.

– Вот же, хотел помощи попросить, – вздохнул гость. – Совсем недавно он нас из одной беды выручил, а и другая пришла.

– Кого вас, что за беда? – ведунье не терпелось избавиться от просителя, и проще всего было выслушать дело, а потом посоветовать заглянуть через недельку-другую.

– Колдун у нас умирал… – начал парень и сбился.

– Так-так, – девушка улыбнулась. – А ну, заходи.

Пёс на гостя внимания не обратил. Узнал охотника, но вида не подал.

– Вихрь? – спросила Мена, усадив парня на лавку.

– Угу, – нисколько не удивился тот подобной осведомлённости. Колдовской народ известное дело – всё про всех знает.

Он вздохнул:

– Теперь вот племянница его потерялась. Елена. Я уж и в лес ходил, след искать. Обрывается след. Прямо на тропке. Словно растаяла она.

– Тебя как звать-величать?

– Дымком.

– А кто ей будешь?

Парень покраснел.

– Да никто собственно. По-соседски я…

– Понятно, – Мена опять улыбнулась. – Раз уж Сокола нет, постараюсь помочь. Непростое дело, но постараюсь. Только и от тебя помощь потребуется.

– Какая?

– Для ворожбы нужна мне вещица ею носимая. Если сможешь, найди…

– Так я, это… вот, захватил, – парень протянул свёрток. – Платок здесь.

– Хорошо, – девушка задумалась.

Полезла в мешок. Похвалив себя за предусмотрительность, достала серебряное блюдо, травы нужные. Среди посуды чародея нашёлся подходящий котелок. Мена раздула угли, поставила воду, а когда та закипела, махнула парню.

– Ты пойди-ка, погуляй. На торг сходи, в корчму, или ещё куда. Мне одной побыть надо.

Дымок не спорил. Подглядывать за чужим ремеслом, он и сам не горел желанием. Правда, город его не прельщал, и сидеть в многолюдстве корчмы не хотелось, а потому, поразмыслив, парень спустился к реке.

Выпроводив гостя, Мена занялась ворожбой. Бросила на блюдо угли, положила сверху пучок травы. Отваром из другой травы оросила, сбивая пламя. Пахучее облако наполнило чародейское жилище. Пёс шевельнул ухом, неохотно поднялся и убрёл в сени.

Мена присела, намотала платок на ладонь. Прикрыв глаза, тихо запела. Заговор был протяжным тоскливым, впору псу подвывать. Но тот улёгся в сенях и как бы заснул.

Не скоро отзвучала песня. И после ещё долго шептала ведунья слова непонятные. Много времени прошло. И угли уже погасли, и дым развеялся.

Пусто. Нет нигде Елены.

Мена рассердилась. На себя, что не может справиться с простенькой ворожбой, на Эрвелу, что озадачила её лишними хлопотами, когда и так забот через край, на Сокола, что ушёл геройствовать, оставив другим разгребать за собой…

Долго она просидела, теребя бесполезный платок. Дымок уже битый час прохаживался перед домом, не решаясь побеспокоить ведунью. Хорошо, пёс напомнил, тявкнув на окно.

Тут-то у Мены и промелькнула верная мысль. Не вызрела ещё окончательно, но зародилась. Позвала парня, спросила:

– А в доме Вихря сейчас живёт кто-нибудь?

– Да кто ж там поселится? – удивился Дымок. – Разве ещё какой колдун приблудится, так, думаю, такое не скоро случится. Нет. Наши все стороной обходят. Опасаются.

– Вот и славно, – повеселела девушка.

– Удалось разыскать Елену-то? – решился на вопрос парень.

– Нет, – ведунья отвела взгляд. – Но есть и ещё возможность. Ты вот что… Возвращайся к себе. Новости появятся – дам знать. Может и помощь какая-нибудь потребуется от тебя.

– Ты только скажи! – горячо пообещал Дымок и ушёл обнадёженный.

Обманула его Мена. Ничем он помочь не мог. Так сказала, чтобы под ногами не путался. Сама же прилегла отдохнуть, а ближе к вечеру оделась попроще да отправилась в Сельцо.

Являться среди ночи в дом умершего колдуна – то ещё приключение. По доброй воле в такое никто не ввязывается. Но Мене выбирать не приходилось. Поджимало время. Всё больше она утверждалась, что тревога Эрвелы не лишена оснований. Что есть-таки связь между змеевиком Вихря и событиями назревающими в мире. И то, что не удалось разыскать Елену обычным чином, это неспроста.

Так она размышляла дорогой, запоздало подумав, что неплохо было бы Ушана с собой позвать, или ещё кого из братии колдовской. Но теперь чего сокрушаться, добралась уже.

В дверь не пошла, забралась через лаз под крышей. В каждом ведунском доме такой лаз имеется. Для гостей особого рода. Затеплила свечу. Не волшбой – огнивом. Ворожить в чужом логове без надобности опасно, а ночью – вдвойне. Впрочем, и при великой надобности опасности ничуть не меньше.

Осмотрелась. Много любопытного от колдуна осталось. К иному и притронуться боязно. Не позаботился Вихрь о наследнике. Теперь любая вещь выстрелить может.

Девушка взглядом водила, словно по зыбучему болоту побиралась. Мелкими шажками. Шорох мышиный сейчас громовым раскатом казался.

Под лавкой нашёлся ларец. Мена сунулась, как в гнездо змеиное.

Книги!

– Занятно, – буркнула она, осторожно раскрыв один из трактатов. Латинское письмо Мена разбирала с трудом – что-то о природе вещей и сути миропорядка.

– А Вихрь-то непростым колдунишкой был.

Не сразу нашла что хотела. Надеялась на бережливость колдуна. И вот, не ошиблась. В тайнике наткнулась на искомое – на ленту свадебную сестры вихревой, Елениной матушки. Зачем её Вихрь хранил, понятно – пропуском в царство мёртвых лента была. Теперь колдуну такой пропуск без надобности, обычной дорогой туда отправился, а вот Мене как раз сгодится.

Как за дело браться, страх совсем одолел. С трудом девушка решилась на ворожбу.

Долгой вышла дорожка по той стороне. Долгой и путаной. И ни у кого пути не спросишь. Нельзя с ушедшими разговаривать. Но дошла до предела. И уяснила главное – нет среди мёртвых Елены.

Выбралась из мрака на свет. Увидела её.

Шла Елена по узкой тропе через лес осенний. Листья под ногами шуршали. Грибами пахло, сыростью. Солнце светило скупо.

Осенний? – Мена от удивления чуть было не утеряла призрачную связь.

Так и есть.

Пока ведунья осени удивлялась, тропа упёрлась в стену. Вернее, в ворота, что в той стене проделаны были. Сами собой распахнулись створки, приглашая войти.

Мену так сразу назад потянуло, как от дыры могильной, но Елена вошла без сомнений. Пришлось и ведунье за ней последовать.

За стеной открылся яблоневый сад. Мощённая белым камнем дорожка вела к высокому терему, что стоял в глубине, едва видимый за деревьями. И трава, и дорожка были усыпаны яблоками. Сочные, красные, они и сейчас продолжали гулко падать на землю.

Елена направилась к терему. Каждый шаг отзывался хрустом раздавленных плодов. На проступающий сок слетались отовсюду шмели, осы, мухи. Жужжали, дрались за добычу.

Не увидела Мена, как Елена до терема добралась. Марево наползло, закрыло взор.

Нить порвалась.

Вновь сумерки колдовского жилища перед глазами возникли. Пламя свечи трепыхалось, играя тенями. Даже родным каким-то показалось Мене логово Вихря. Она задумалась. Сказала вслух:

– Не в нашем мире Елена. И не в загробном. Под чужим небом ходит.

Псков. Июнь 6860 года

Когда дорога в очередной раз взбежала на пригорок, они увидели стены Пскова и непроизвольно придержали коней. Повозка тоже остановилась. Калика поднялся, пытаясь вместе со всеми разглядеть за дымкой признаки сражения. Его передернуло от холода и сырости, и он поплотнее укутался в плащ.

Перед отрядом лежал один из красивейших городов Руси. А среди самых красивых он слыл наиболее укреплённым и неприступным. С двух сторон, что омывались водами Псковы и Великой, укрепления возвели хоть и каменными, но вполне обыкновенными, приземистыми – взять город отсюда всё одно невозможно. Зато третья сторона, напольная, открытая для нападения врага, преграждалась четырьмя, стоящими друг за другом стенами, что упирались концами в реки. Веками и горожане, и правители тратили большую часть оборонных средств на укрепление именно этой стороны. И именно отсюда всегда наступал на Псков неприятель.

Первой врага и путешественника встречала большая дубовая стена, защищающая посад, или, иначе, Средний Город. Через каждую сотню саженей стояли укрепленные боевые костры, сиречь башни. Они тоже были срублены из дуба, но уже кое-где заменялись на каменные. А судя по глыбам свезенного к стене известняка, псковичи задумали поставить каменной её всю.

Сразу за посадом возвышалась Борисова Стена, защищающая Борисов Город, или, иначе, Застенье. Её прясла и стрельницы сложены были из белого камня. В самом Борисовом городе располагались дома наиболее зажиточных горожан, княжьи палаты, пустующие сейчас по при-

чине отсутствия князя, а также большой, раскинувшийся на четверть города, торг. И только за Борисовым Городом начинался собственно Кром. Он был разделен надвое. Сперва Довмонтова Стена, закрывающая небольшой Довмонтов Город, со множеством церквей, служебных домов, гридниц, подворий. А за ним Перси – грудь города – главная стена Детинца и основа всей обороны. Пробейся враг через три предыдущих стены – в Перси он упрется окончательно. Неприступной считалась эта твердыня. Ни одному врагу ещё не покорялась. Стена Персей возвышалась над всеми прочими, а пред нею даже не вырыт, а высечен был в скале внушительный ров, называемый Гребля.

– Думаем и пятую стену поставить, – доложил монашек. – Великую Окольную. Для защиты слободок Полонища и Запсковья. Вот только серебра пока не хватает. Бояре и купцы жмутся – на что, мол, им Полонище – а сами слободские небогаты.

Но не красотами города и не его укреплениями любовались сейчас путники. Да и любовались совсем не то слово. Они мрачно и тревожно взирали.

Над городом бездвижно висела огромная свинцовая туча. В клубящемся её чреве изредка мелькали сполохи. И хотя молнии не били вниз, возникало ощущение, что город находился под прицелом. Закрытый от солнца могучей тенью он погрузился в сумрак. И лишь золотой купол Троицкого Храма горел в окружении тьмы ярче обычного, отражая скудный рассеянный свет. Белокаменная громадина храма походила на былинного витязя, вышедшего на бой в золоченом шлеме. Золото на чёрном смотрелось красиво, даже величественно, и все, кроме чародея, почти одновременно перекрестились.

– Знать бы, что там сейчас творится, – произнёс Сокол. – Может, в городе и людей-то не осталось. Может, уже вымерли все.

– Чего гадать, – спокойно возразил архиепископ. – Приедем на место и всё узнаем.

– Познаем, проведаем, железа отведаем, – вставил Скоморох.

Василий никогда не затыкал своего придворного скомороха – не для того и заводил, чтобы затыкать, но сейчас посмотрел на него с явным раздражением.

Тронуться с места никто не решался. Дорога, что извиваясь среди холмов, исчезала в пригородных слободках, была совершенно пуста. И это настораживало. Не может такого быть, чтобы из города не бежали. Псковичи народ храбрый, но ведь далеко не каждый человек готов умереть, защищая дом и семью, иные видят спасение в бегстве. Толпы беженцев всюду и во все времена заполняли пути, уводящие подальше от мест сражений. А здесь – совершенно пустая дорога. И не просёлок какой-нибудь, а самый что ни на есть оживленный новгородский путь.

Но вот со стороны города донёсся могучий гул вечевого колокола, и все сомнения разом исчезли. Значит, есть ещё, кому помогать. Стало быть, не пал под натиском зла древний Псков. Отряд тронулся, а молодой княжич с трудом сдержался, чтобы не рвануть к городу, оставляя далеко позади повозку архиепископа и всю его свиту.

***

Полонище – пригородные слободки и деревни, разбросанные в широкой полосе междуречья, встретило их тишиной. Повсюду стояли брошенные дома, но никаких тебе следов сражения или разорения, никаких пожарищ и трупов. Население либо ушло под защиту стен, либо разъехалось по дальним сёлам, на которые не легла еще злая тень. Бросив засеянные поля, селяне, судя по всему, увели с собой и всю живность, вплоть до шелудивых собак.

– Значит, время на сборы у них было, – подумал вслух Сокол. – Но почему же мы не встретили ни единой живой души по пути из Порхова?

Василий нахмурился, велел монаху, чтобы тот подгонял лошадей.

– Ну что, чародей, – сказал, вдруг улыбнувшись, архиепископ. – Опять будем драться вместе? Честно говоря, я рад, что тебя не сожгли на костре мои торопливые братья по вере. Сдаётся мне, что если и возможно одолеть напасть эту, то лишь объединив наши силы.

– Всё может быть, – неопределенно ответил тот. – Может вместе, а может и нет… Ты не всё рассказал мне, Григорий… Тёмен ты, как вот эта вот туча.

Монах, уже попривыкший к столь необычному товарищу владыки, на этот раз только пожал плечами, сам же Калика улыбнулся и промолчал.

Дубовая посадская стена никем не охранялась. Стрельницы стояли безлюдными. Ворота брошены, створы открыты настежь.

– Ироды, – проворчал Василий. – Хоть бы ворота заперли, прежде чем ноги-то уносить. Дома свои, небось, не забыли закрыть.

– Заперли бы, стояли бы мы сейчас под стенами этими, – возразил Сокол.

– Кто ж ворота запирает, когда из города бежит? – осклабился Скоморох.

Повозка гулко прогрохотала под башней, и отряд въехал в город.

В посаде царил полнейший беспорядок. Отовсюду шёл запах гари и тления. Всё это, вперемешку с влажным тяжёлым воздухом, вызывало тошноту и головокружение. Здесь путники впервые увидели живых людей. И мёртвых тоже. Причём последние попадались куда чаще. Один такой неприбранный труп в дорогих одеждах, лежал прямо посреди улицы. Митька соскочил с коня, намереваясь осмотреть тело, но его остановили.

– Стой! – закричал Сокол.

– Не трогай! – почти одновременно с ним воскликнул архиепископ. – Заразу подхватишь, дурень.

Новгородец, пробурчав что-то, забрался обратно в седло.

Вокруг безо всякого смысла метались посадские. Сновали от дома к дому, что-то говоря, в чем-то убеждая друг друга, и тут же разбегались в разные стороны. Одни собирали вещи, готовясь покинуть город, другие оставались, опасаясь ночной дороги, а некоторые видно уже смирились с неизбежным концом. На отряд архиепископа никто из них не обращал внимания.

Умерших, как они заметили, всё же иногда подбирали и увозили.

– Куда? – спросил монашек у женщины, сопровождающей гроб.

– К церкви, – пояснила та. – Но только у кого родственники нашлись.

Они проследовали за ней и возле деревянной церквушки увидели ряды не отпетых и не погребённых тел.

– Отпевать некому, – пояснила женщина. – Батюшка наш первым помер.

Возле церкви они и остановились. Василий, чинно, не спеша, слез с повозки, а люди, увидев священника, бросились просить благословения, что-то наперебой рассказывать; бабы причитали и вопили, так что понять хоть кого-то стало совершенно невозможно. Василий благословлял, но, пробравшись сквозь толпу к паперти, вдруг развернулся и вознёс руки.

– Чего же вы стены да ворота бросили, православные? – вопросил он строгим пастырским голосом.

Народ замолк.

– Так был бы враг человечий, не бросили бы. А тут бесы. Какая от бесов защита? – попытался озвучить общее настроение посадский мужик.

Сам он спокойно сидел с приятелями неподалеку. В суете, царящей вокруг, не участвовал, и вообще не производил впечатления запуганного обывателя. Мало того, Соколу показа-

лось, что посадский удалец не побоялся бы ратиться и с бесами, да вот народ здешний слабоват оказался. Видимо, то же самое пришло в голову архиепископу. Рукой, едва заметно, он подозвал горожанина к себе, продолжая между тем вещать:

– Бесы? Ну, так и что? Вера на что дана вам? Или ослабла она в вас? Или разуверились вы?

Посадские наперебой загалдели, спрашивая у Василия совета, что делать дальше, как бороться с напастью. Он же на все вопросы ответить пока не мог.

– Кто в силах сражаться, должен сражаться. Ты вот, – Василий обратился к подошедшему как раз мужику. – Ты вот, я гляжу, не робеешь. Можешь собрать людей? Чтобы ворота прикрыть, да на стенах дежурство устроить?

– Собрать-то смогу, – ответил тот. – Не сильно много, но смогу. Только не удержать нам стену эту, случись чего. Она эвон какая, тут сотни надобны. А помощи из города нет. И, подозреваю, не будет. Давеча на вече ходил. Говорильня одна. Никто не знает, что делать с напастью такой.

Он замялся на миг, раздумывая, говорить ли дальше, но решительно рубанул рукой и продолжил.

– А в Борисовом Городе поп объявился полоумный. Народ смущает, дескать ведьм и колдунов изловить надобно и огню предать. Через это, мол и спасение обретём. С дюжину людей, пожалуй, и спалили уже… виновных, невиновных, не знаю… но не верю я что-то в такое спасение…

– Разумно, – одобрил Василий. – Давай скоренько собирай, кого сможешь. Со мной пойдёте. А на ворота пару человек отряди пока. Днём сторожить непременно, а ночью ладно уж, пусть по домам расходятся, только ворота не забывают запереть. Поспеши. А я пока здесь с усопшими вашими разберусь.

Пока Василий «разбирался» с покойниками, Сокол внимательно разглядывал окрестности и принюхивался, пытаясь сквозь гарь и смрад почуять след врага. Не вышло. Нос, под лавиной зловония, быстро прекратил распознавать какие-либо запахи. Птиц бы послушать, спросить, да нет птиц. Давно уж не слышно их щебетания. Как под тучу вошли, так будто вымерло всё.

А чёрная туча всё висела над городом, погрузив его в сумрак. Лишь где-то вдали по её краям виднелась узкая полоска чистого неба. Дождь то лил, то прекращался, и тогда в воздухе повисала водяная пыль, оседая серебристым налётом на вещах и одежде.

Наскоро свершив положенный ритуал над умершими, Василий вернулся в повозку. Отряд возобновил движение, изрядно пополнив численность. К ним присоединился давешний удалец, которого, как выяснилось, звали Мартыном, а с ним ещё человек восемь посадских. Оружные чем попало и совсем без доспехов.

О самом себе Мартын ничего кроме имени не сказал, но про начавшиеся неделю назад ужасы говорил охотно:

– В первую ночь очень страшно было. Ходила будто по улице женщина. Ходила и пела. Грустно так пела. Слов не разобрать, но такая тоска навалилась. Тоска и страх. Больно уж страшной песня её казалась. Хотя отчего так, понять не могу. И никто не понял. Поначалу только её голос и слышно было. То удалялся голос, то приближался, по городу, видно, петляла. Тут вдруг собаки разом залаяли, а она всё одно – шла и пела. Так и не прервала ни разу песню свою унылую.

Мартын помолчал.

– Слободские после этой ночи все как один снялись и ушли. Поп там какой-то им знамение растолковал, предупредил, значит, что дальше только хуже будет. Что женщина эта лишь

Предвестница. Они и ушли. Кто в город подался, но большая часть через реку переправилась, а там – в Изборск.

Рассказчик вздохнул.

– А уже на следующую ночь бесы объявились. Эти уже не пели. Выли. Хотя неясно, бесы то выли или, быть может, собаки. И туман с вечера на город наполз. Через тот туман много народу сгинуло. Стража, вон, вся привратная. Там им укрыться особенно негде было…

– А не знаешь, отчего на новгородской дороге никто нам не повстречался? – спросил Борис.

– Так в ту сторону и не пошёл никто. Оттуда-то как раз нечисть и ждали. Которые уходили, все на Изборск отправились. А если кто по глупости и пошёл на Порхов, так по дороге, верно, и сгинул.

Ворота Борисова Города оказались запертыми. Прошка, повинуясь владыке, слез с коня и постучал кулаком по окованным медью створам. С той стороны раздались шаги, звякнула задвижка, скрипнули петли смотрового оконца.

– Кто таков будешь? – спросил голос.

– Ага, – обрадовался Василий. – Стало быть, Каменный-то Город охраняется.

И громко для стражника добавил:

– Я архиепископ новгородский, Василий. Со мною люди новгородские, да ополчение ваше посадское.

– И с нами великий Чародей Мещёрского Леса, – торжественно провозгласил Скоморох, подражая говором Калике.

Удивлённый, с красными от недосыпа глазами, стражник высунулся в боковую дверь.

– Да ну? Вот так новость! – вырвалось у него. Вспомнив, однако, что на службе, произнёс установленное приветствие: – Добро пожаловать в Дом Святой Троицы.

После чего виновато добавил:

– Только ворота вот, я вам открыть не смогу – тяжёлые они, к тому же сотник с ключами куда-то пропал. Так что повозку придётся тут бросить, а коней через калитку эту вот проведём.

В разговоре выяснилось, что главные ворота Борисова Города охраняются одним-единственным стражником из застенского ополчения, которого вдобавок вот уже второй день не меняли.

– Куда все наши делись, не знаю, – сказал хмурый стражник. – Бояре, понятно, те стрекача задали после первой же ночи. Попрятались, что лисы по норам. А народ здесь бросили. Ополчение никто не собирает. Да и куда против бесов ополчению…

Сказав это, он посмотрел с недоверием на куцый отряд Мартына.

– Что скажешь про бесов этих? – спросил Василий, пока его ушкуйники перекладывали вещи с повозки на лошадей.

– Нападают они пока только ночью. С вечера напускают такого туману, что люди сбиваются с пути, и даже будучи на своей улице, возле своего дома не могут найти дверь. Кто к ночи не окажется под крышей – считай пропал. Утром всё мертвецами усеяно. Трупы быстро гниют, смердеть начинают. Если гной попадёт на здорового человека, то скоро он покрывается язвами – дня через три уже и его хоронят.

– Зовут тебя как? – спросил в конце разговора архиепископ.

– Данилой, – ответил стражник.

Василий подозвал к себе новгородца:

– Митрий, останешься, поможешь ему. Пусть отоспится прямо здесь, а ты посторожишь пока. Заодно и за возком присмотришь.

– Спасибо владыка, – поклонился стражник. – Думал, все нас бросили. Вижу, что ошибался.

Дальше пошли пешком. В Борисовом Городе порядка оказалось чуть больше. По крайней мере, мёртвых здесь прибирали. Мощёные плахами улицы вообще отличались неестественной чистотой.

Не встретил поначалу отряд и людей.

– Н-да, куда же все подевались? – удивился Сокол.

Это выяснилось, когда они подошли к Торгу. На улицу из-за угла выкатила возбуждённая и орущая толпа. Горожане, подстрекаемые, видимо, тем самым полоумным попом, о котором рассказывал Мартын, волокли на костёр очередную ведьму. Молодая девушка в разодранной одежде, визжала и упиралась, что только распаляло людей. Её тело сплошь покрывали синяки и царапины, но новые тумаки, сопровождаемые грубой бранью, обрушивались не переставая. Защититься от кулаков ведьме не позволяли два крупных мужика, что держали её под руки и тащили вслед за попом.

А тот выглядел совершенно невменяемым. Его чёрную, будничную рясу покрывали дыры и белые известковые пятна, как будто попа долго мутузили в каком-то закутке. Борода торчала клочками, глаза горели безумством, а изо рта сползала на бороду и капала вниз слюна. Священник нёс какой-то малопонятный бред, но люди слушали и внимали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.